

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

Эта Премия создана в память об учителе, который проработал в красном здании на 2-й Пугачевской всю свою жизнь.

Предлагаем вашему вниманию тексты, выдвинутые на соискание Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского за 2022 год в номинации «Русская словесность».

На фото (слева направо): в первом ряду – Дмитрий Трубчик и Илья Колесников; во втором ряду – Алена Салтыкова, Дарья Яшенина, Елена Сверчкова, Татьяна Яшенина, Дарья Махойдина, Дарья Никитина, Александра Купецкая, Александра Галицкая, Варвара Кузнецова, в третьем ряду – Екатерина Степанова, Варвара Яновская, Анна Калюжная, Егор Кузьмичев, Варвара Лазаревич, Софья Левина, Мухлиса Утамова, Вероника Текучёва

Давай поедem в город

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега, листопады
Недавно отишуришали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный.
И кажется, что город
Стоит ненаселенный,

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних...

О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,

И что, порой, напрасно
Давал страстям улечься,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

Давид Самойлов

«ЭТО ВСЕ НЕ ЗРЯ!»

Десятое вручение. Могли ли мы подумать, учреждая Премию Пирятинского, что наша общественная инициатива доживет до столь внушительных юбилеев?

Наверное, все-таки, могли. По крайней мере, вскоре после того, как мы учредили Премию, решено было изготовить ровно 20 премиальных комплектов красных кирпичей, символических ключей от школы и серебряных монограмм «ЮБ» – главных знаков Премии, вручаемых лауреатам. По 2 комплекта («Русская словесность» плюс «Человеческое измерение») на год – ровно на 10 вручений. К сегодняшнему дню мы роздали все – один комплект символов хранится в школе, на стенде, посвященном Премии, остальные – дома у наших лауреатов. И уже в начале этого года мы изготовили новую партию символов Пирятинской премии: новые кирпичи, новые ключи, новые серебряные лауреатские знаки. Их должно хватить на следующий 10-летний цикл...

Мне трудно передать удовлетворение по поводу того, что Премия имени Пирятинского прижилась, став авторитетной и значимой гимназической наградой. Само ее существование многое говорит и о самом Юрии Брониславовиче, и о школе, которую он выбрал в качестве своего второго... нет, все-таки, первого, главного для себя – дома.

Скажу откровенно: Пирятинский столько тепла, энергии, столько страсти и таланта вложил в дело, которому служил, и в людей, с которыми работал и дружил, что, если бы после его смерти память о нем улетучилась из стен красного здания, это было бы величайшей несправедливостью. Думаю, эта несправедливость придала бы нашим красным стенам, нашему, как говорят в таких случаях, намоленному

многими поколениями общему дому серый оттенок равнодушия и черствости. И его было бы не смыть. Но этого не случилось. Ни время, ни бюрократические переименования не изменили главное, за что ее любят и ценят школу 388/гимназию 1505 ее сотрудники, ученики и их родители, – равнодушные.

Премия не просто помогла сберечь память об этом необычном человеке. Она дала возможность раскрыться талантам всех, кто в ней так или иначе участвовал, – и наших учеников, и наших учителей, и нас самих – учредителей Премии. Мы так и хотели: чтобы память о Пирятинском не была привинчена шурупами к стене, а была создающей, наполненной творчеством, вдохновением, радостью. Да, именно радостью – радостью побед, радостью взаимопонимания и взаимопомощи, радостью соперничества. Все это есть и, я надеюсь, будет и впредь.

Одна из учредителей Премии Пирятинского выпускница 1993 года Лена Серова в свое время очень точно сказала: «Юрий Брониславович был очень спорный педагог по методам и очень непростой человек. Но он был истинно равнодушный человек – не в словах, а в делах. Наша Премия, как бы мы ни называли ее номинации, она именно про равнодушные... Я рада, что нам есть, из кого выбирать. И, значит, это все не зря!»

Очень верю, что наш «непростой и спорный по методам» Юрий Брониславович Пирятинский с этим согласился бы...

Владимир Рудаков, координатор Премии

НАШИ КИРПИЧКИ

Он был тонким настройщиком мятежной подростковой души. Мы задумали Премию имени Юрия Брониславовича Пирятинского, чтобы дело его жизни продолжалось

Наша Три-Восемь-Восемь (такой была первоначальная нумерация школы № 1505) для большинства ее учеников была не просто зданием – сооружением, в котором проходил учебный процесс. Для нас школа стала Домом. В нем мы росли, радовались, горевали, учились, совершали ошибки, получали знания и выносили уроки на будущую жизнь.

Те, кто не знает о нашем Доме, до сих пор после моей фразы: «Я вчера была в школе», – обычно задают вопрос: «Что случилось с ребенком, зачем вызывали?» А мой ответ: «Да нет, я была в СВОЕЙ школе», – в лучшем случае вызывает недоумение у вопрошающего. И невозможно в трех предложениях объяснить, зачем и почему в не совсем юные годы меня, как и многих выпускников нашей школы, по-прежнему тянет в родные красные стены...

Нам повезло: нас учили, развивали, нам помогали, с нами проживали наше детство и отрочество прекрасные учителя. И даже после окончания школы многие из них продолжали участвовать в жизни своих учеников. Я отчетливо помню последнюю перед его болезнью встречу с Юрием Брониславовичем. Мы сидели на перемене на банкетке у 21-го кабинета,

и Юрий Брониславович, вооружившись учебником и тетрадкой, объяснял мне, чем отличается обстоятельство места от дополнения. Вот так, спустя годы, приходишь к пониманию, что часто важнее не выученные правила, а умение задавать правильные вопросы. Как при разборе предложения, так и в жизни...

К несчастью, наступает момент, когда любимые учителя оставляют нас одних на жизненном пути. Но трогательные и порой смешные воспоминания, любовь и благодарность продолжают их жизнь в нашей памяти и сердцах.

Юрий Брониславович ушел от нас трагически рано. Его ученики лишились прекрасного учителя, а наше красное здание – своего домового. За более чем 30 лет своей работы Юрий Брониславович стал неотъемлемой частью нашей школы, одним из кирпичиков ее фундамента, отдал всю свою жизнь школе и ученикам и не мог не остаться частью этой школы. Перед нами, ближайшими коллегами, друзьями, учениками – теми, кто на протяжении десятков лет шел рядом с Пирятинским по жизни, – встал вопрос, каким образом сохранить имя,

память об ушедшем учителе в школе среди сменяющихся поколений учеников, как претворить его невидимое, но осязаемое участие в школьной жизни. Вопрос оказался очень непростым. Каждый предлагаемый вариант оценивался по главному критерию: «А что бы нам сказал на это сам Юрий Брониславович?» Иногда шумный, временами эпатажный Пирятинский на самом деле очень не любил официоз и пафос. Человек тонкой душевной организации, Юрий Брониславович, будучи прекрасным учителем русского языка и литературы, знатоком и ценителем русской поэзии, обладал еще одним удивительным талантом: он был тонким настройщиком мятежной подростковой души. И нам всем очень хотелось, чтобы Юрий Брониславович оставался в стенах красной школы во всех своих ипостасях.

Мы задумали Премию его имени, чтобы дело жизни Юрия Брониславовича продолжалось: чтобы сегодняшние ученики, как и мы когда-то, могли творить и совершенствоваться в написании литературных форм, а ребята неравнодушные, отзывчивые, совершившие Поступок или сделавшие трудный шаг к победе над своими проблемами, были отмечены вниманием и уважением, послужили примером своим соученикам, кому-то в стенах школы помогли не опустить руки в трудную минуту.

Мы, 15 учредителей Премии, понимали всю серьезность своего проекта. Перед нами встало огромное количество вопросов: финансовых, организационных, регламентных. Трезво оценивая количество свалившихся на нас проблем, мы не были до конца уверены, что Премия будет многолетней. Но, не позволяя себе опускать руки, работали и радовались каждому новому этапу Премии. Постепенно все начало обретать определенные рамки, выработался регламент, механизмы выдвижения и голосования. За 10 лет частично поменялись учредители: из первоначального состава осталось 11 человек. Но мы безмерно рады пополнению и особенно тому, что учредителем Премии стала одна из первых лауреатов, учитель английского языка Анастасия Папанкина...

Наступил ноябрь 2022 года. И, отмечая десятилетие Премии имени Юрия Брониславовича Пирятинского, мы с радостью и гордостью можем сказать, что Премия состоялась. Премия стала важной неотъемлемой частью школьной жизни. А самое главное, что имя Юрия Брониславовича по-прежнему разносится по классам и коридорам школы, дело его жизни продолжается, память о нем живет.

Я поздравляю своих коллег – учредителей Премии Бориса Веденского, Матвея Геллера, Ольгу Колчугину, Антона Молева, Михаила Левита, Владимира Рудакова, Елену Серову, Ольгу Смирнову, Алексея Фалько, Григория Шандалова. Мы это сделали! Я выражаю огромную благодарность координатору Премии Владимиру Рудакову за его самоотверженную работу на благо развития Премии! Я благодарна Светлане Ищенко, Глафире Леоновой, Марии Малиновской, Анастасии Папанкиной за то, что разделили с нами заботы и ответственность, за то, что влились в наши ряды!

Премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского существует. Премии быть!

Светлана Гончарова,
учредитель Премии, выпуск 1985 года

ВЫБОР В ПОЛЬЗУ НЕРАВНОДУШИЯ

На протяжении трех с половиной десятилетий наше красное здание было немислимо без Пирятинского, да и его самого невозможно вообразить без гимназии. Замечательно, что его имя по-прежнему звучит в родных для него стенах

Наверное, у каждого, кто когда-то переступил порог дома шесть на 2-й Пугачевской, сложился свой образ родной красной школы. Будь то пятиклассник, только начавший свой ученический путь, выпускник, смотрящий с высоты прожитых в этих стенах лет, или родитель, доверивший школе свое чадо, – у каждого есть то особенное, неповторимое, почему он счастлив считать себя частью большого пространства школы, почему он с гордостью и глубокой теплотой называет ее НАШЕЙ. Но какими бы разными ни были эти образы, все они формируются благодаря людям, населяющим красное здание, благодаря тому сообществу, которое когда-то возникло и продолжает развиваться вот уже многие годы.

Большинству нынешних обитателей нашей школы сейчас трудно в это поверить, но на протяжении трех с половиной десятилетий школу 388, МГПГ, МГПГ-Л № 1505 невозможно было представить без учителя, которого звали Юрий Брониславович Пирятинский. И неважно, довелось ли тебе быть его учеником или ты просто учился в это время – ты не мог его не знать. Вне всякого сомнения, он был символом нашей школы и одним из тех людей, которые определяли ее образ. Его боялись и обожали, ненавидели и восхищались, он мог быть очень жестким и удивительно чутким, мог производить впечатление человека со стальным характером и при этом быть глубоко ранимым. Он был блестящим словесником, чьи выпускники до сих пор могут гордиться своим знанием русского языка и чутьем к родному слову. Юрий Брониславович был всегда в курсе всех школьных дел, всегда оказывался рядом, если нужна была его помощь (или даже если ее никто не ожидал), при этом никогда не стремился к публичности и признанию, выпячиванию своей фигуры.

О чувстве юмора Пирятинского ходили легенды: несколько поколений старшеклассников собирали его искрометные (порой на грани приличий) выражения, передавали их друг другу как сокровенное знание и даже предпринимали попытки составить сборник его афоризмов. Если ты устаивался хлесткой характеристики из уст Юрия Брониславовича, то мог считать, что стал обладателем некоего ценного знака отличия. Он и сам, точнее его непривычное для школьного уха отчество и не самая простая фамилия, становились полем для фантазий и творчества: Бронтозаврович, Бронетанкович, Броневик, ЮБ, Пиря, Пириус, Пиречка – это лишь то, что сходу вспоминается. Он, разумеется, знал обо всех своих прозвищах, но никогда на них не обижался. При этом его легко могло ранить то, что любому взрослому человеку показалось бы совершенно незначительным. Многим казалось, и, наверное, не напрасно, что порой Юрий Брониславович сам вел себя как ребенок. Юношеского максимализма в нем было ничуть не меньше, чем в самом эмоциональном его воспитаннике. Он мог быть категоричным и несдержанным, конфликтовать с коллегами, учениками и родителями, но при этом ради того, во что верил, он был готов отдавать себя целиком, требуя подобного и от окружающих.

Так сложилось, что у Юрия Брониславовича не было своей семьи, поэтому школа стала для него не только единственным местом работы, полем профессиональной самореализации, но фактически – основным пространством его жизни. Как красное здание было немислимо без Пири, так и его самого невозможно вообразить без него.

Юрий Брониславович ушел от нас 10 лет назад. Спустя год его друзья, коллеги, выпускники приняли решение о создании Премии имени Пирятинского. Сколько споров было тогда по поводу этого решения, сколько сомнений. Но вот уже сменилось целое поколение учеников, которые могли слышать об этом человеке только по рассказам и рассматривать его фотографии на стендах, а имя ЮБ по-прежнему звучит в нашей школе. 22 ноября, в день рождения Юрия Брониславовича, мы будем вручать премию в 10-й раз. И то, что в далеком 2014 году казалось немного странным и наивным, теперь реальность – Премия Пирятинского стала той важной частью нашего школьного уклада, без которой трудно представить красную школу. И как это всегда бывает, для каждого Премия значит что-то свое. Для номинантов и лауреатов – это проба сил, муки творчества, бури сомнений, трепет ожидания, тревога и признание. Для остальных – возможность познакомиться с творчеством своих друзей, взглянуть на собственные литературные опыты, а еще, узнав имя лауреата в номинации «Человеческое измерение», задуматься о том, что мы ценим в людях и себе самих, к чему готовы стремиться и насколько хорошо знаем тех, кто рядом с нами. Для нас, организаторов Премии, – это прежде всего дань памяти нашему другу и учителю. А для всего сообщества нашей школы, думается, Премия Пирятинского – это выбор в пользу неравнодушия. Потому что именно таким был Юрий Брониславович, потому что мы хотим видеть таким каждого ученика, потому что так принято в Нашей красной школе.

Антон Молев,
учредитель Премии, выпускник 1995 года

«ОСВЕЩАЯ ДОРОГУ ИДУЩЕМУ...»

Премия Пирятинского – это точка в пространстве и времени, где встречаются разные поколения нашей школы

2022 год уже стал в истории нашей страны годом больших потрясений, разделив жизнь и личное мироощущение родных, друзей, соотечественников на «до» и «после». Этот год, надеюсь, станет для многих новой точкой отсчета. Отсчета движения, вектор которого пока сложно определить в кажущемся хаосе ежедневных сводок почти всеобщего военного, экономического и ментального протостояния.

Тем важнее для понимания настоящего бросить взгляд в прошлое. Взгляд одновременно и прощальный, и пылливо-взыскующий.

В этом году нам предстоит в десятый раз вручить Пирятинскую премию гимназистам школы № 1505! Я не ошибся, назвав наших школьников гимназистами. И сам Юрий Брониславович, как уникальная личность, Учитель, как педагогический феномен, и Премия его имени могли возникнуть и существовать только в особенном месте – на перекрестке эпох, культур и цивилизаций, ставшем точкой встречи нескольких образованных поколений Москвы и называвшемся Педагогической гимназией № 1505.

О сути и смысле образовательной системы Школы № 388 и выросшей из нее Педагогической гимназии сказано и написано немало, хотя настоящее осмысление, думаю, еще впереди. Для меня тремя китами ее были – уважение к ребенку, возможность его свободы и ценность знания. А над этим высились большая личностная, педагогическая ответственность Учителя. Ответственность за путь, которым он идет с ребенком, за границы детской свободы и способы их расширения, за индивидуальный выбор знаний, которыми он одаривает своего юного Друга.

Как пел в те годы Андрей Макаревич, «... легко говорить, труднее сыграть, особенно спеть». Как было

тяжело преодолевать стереотипы, раздвигать барьеры и строить новое образование, не нам судить. Как выживать, сохраняя себя, не растерять представления о добре и зле, не возненавидеть детей и продолжать оставаться Учителем, когда эта песня – почти лебединая, – знают только те, кто пережил это сам.

И в ряду теперь уже почти легендарных отцов-основателей Гимназии фигура Ю.Б. Пирятинского – Пири, как называли его за глаза многие его ученики, – видится, возможно, рельефнее и красочнее многих. Он был, мягко говоря, не однозначен. Отношения с коллегами и школьниками порой искрили и пылали, как электросварка. По каждому важному и не очень поводу у него было свое мне-

ние. Его педантичность и требовательность к себе и другим вошли в поговорку. Безграничная образованность литератора и заоблачный уровень русиста были неоспоримы. А этот язык общения! Сколько поколений блестящих полемистов, сражающихся ныне по обе стороны фейсбучных баррикад, прошли через его школу?! «Нам целый мир чужбина, Отечество нам – Царское село». И эти строки мы тоже впервые услышали от него. Помните об этом, друзья мои!

Юра ушел от нас 10 лет назад. Почти тогда же мы задумали Премию его имени. Для чего она нам? Для чего она новым гимназистам, никогда не видевшим его? Думаю, что Премия – это точка в пространстве и времени, где вновь встречаются разные поколения нашей школы. Возможно, мы смотрим друг на друга сквозь призму с Пириной голограммой внутри. Старшие преломляют свет своего понимания жизни через эту призму, младшие – отвечают собственным блеском новых времен. Тут и возникает «сияние смысла» – трудноуловимая педагогическая величина, продолжающая, вопреки всему, освещать дорогу идущему...

Матвей Геллер,
учредитель Премии, выпуск 1985 года

ЛЕКТОРИЙ «ИСТОРИК» НА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ»

С конца 2017 года в стенах нашей школы действует Лекторий «Историк» на Преображенской». Его организаторами стали ГБОУ школа № 1505, журнал «Историк» и Общественная премия имени Ю.Б. Пирятинского. В этом году состоялось четыре лекции для учащихся профильных групп старших классов. Первую (мартовскую) прочитал кандидат исторических наук Мурат Куриев – автор недавно вышедшей книги «Это N». Главным героем лекции – известный и неизвестный Наполеон Бонапарт. Тема второй (апрельской) лекции – «Екатерина Великая и императорский двор ее эпохи». Лектор – доктор исторических наук, профессор РГГУ Игорь Курукин – постоянный автор журнала «Историк», известный специалист по истории России XVIII века. Третья (сентябрьская) лекция была посвящена битве под Москвой (1941-1942 гг.), ее прочитал ведущий специалист по истории Великой Отечественной войны, автор книг, кандидат исторических наук Алексей Исаев. Четвертая (ноябрьская) лекция была посвящена регулярному государству Петра Первого. Лектор – профессор Игорь Курукин. Те из слушателей, кто задавал наиболее интересные вопросы, получили подарки – книги лекторов с автографами и тематические номера журнала «Историк».

Мы будем рады вашим предложениям относительно тематики будущих лекций – присылайте свои мысли по этому поводу на адрес: premia-1505@yandex.ru. Самые интересные предложения мы также намерены поощрять книжными подарками. До новых встреч в Лектории «Историк» на Преображенской!

Участвуйте в Пирятинской премии!
Читайте журнал «Историк»!
Учитесь в 1505!

«Пирятинская лекция – 2019»: литературный критик
Галина Юзефович

О Премии

Всего с 2014 года на соискание Пирятинской премии было номинировано 178 человек, 20 из них стали лауреатами.

Напомним, что лауреатом Премии можно стать только один раз за все время обучения в «красном здании». Причем в каждой из двух номинаций ежегодно мы выбираем только по одному лауреату. Каждый год нас спрашивают, как происходит выбор?

По формуле «15+05»

Прежде всего, важно понимать, что в выборах лауреатов в обеих номинациях участвуют не только учредители – 15 учеников, коллег и просто друзей Юрия Брониславовича Пирятинского, в декабре 2013-го решивших создать Пирятинскую премию. В голосовании в номинации «Человеческое измерение» участвуют еще и учителя, но, конечно, не все, ведь Премия общественная, а не «учительская». В свое время мы придумали формулу «15+05», по которой в голосовании принимают участие 15 учредителей и 5 педагогов, работающих в старших классах (их, по нашей просьбе, ежегодно делегирует в состав нашего «жюри» директор школы). Именно эта «коллегия выборщиков» число 20 человек тайным голосованием и принимает окончательное решение по поводу выбора лауреата.

По той же формуле «15+05» мы осуществляем выбор лауреата и в номинации «Русская словесность». Только в ней, помимо 15 учредителей, за тексты, выдвинутые в этой номинации, голосуют 5 лауреатов Премии минувших лет. Это позволяет при голосовании учитывать мнение вчерашних гимназистов, когда-то ставших лауреатами Пирятинской премии и разделяющих вместе с нами ценности и принципы этой высшей школьной награды. Мы уверены в том, что привлечение наших товарищей – лауреатов прежних лет – к этому непростому делу (внимательно и не один раз прочитать номинированные на Премию тексты, выбрав из них один «самый-самый») делает наш общий выбор еще более взвешенным и весомым.

Признаемся: нам непросто выбирать. Как правило, каждый год сразу несколько достойных работ

претендуют на то, чтобы быть отмеченными. И до последнего момента непонятно, чей текст наберет больше голосов. Мы спорим, взвешиваем за и против. А потом голосуем: в первый тур выходят две работы, набравшие максимальное число голосов, а затем уже – во втором туре – мы выбираем лауреатский текст. Разумеется, все голосования анонимны – тексты только пронумерованы, и поэтому учредители не знают, кто авторы этих текстов. Мы голосуем не за людей, а за «текст № 6» или «текст № 12». Это важное правило, позволяющее максимально объективно подходить к оценке.

Как «измерить человека»?

Накануне награждения лауреатов мы публикуем тексты, выдвинутые на соискание Премии в номинации «Русская словесность». Правда, не все – перед тем, как голосовать, тексты проходят стадию рецензирования. По итогам мы получаем рекомендации наших уважаемых экспертов, в том числе предложения по публикации или не публикации. Учредители Премии имеют право не согласиться с мнением экспертов, но могут и прислушаться к их позиции.

Публикуя тексты, выдвинутые в номинации «Русская словесность», мы никогда не объявляем имена тех, кто выдвинут на соискание Премии в номинации «Человеческое измерение». Нас часто спрашивают почему? Отвечаем.

Обсуждая кандидатов в номинации «Человеческое измерение», мы каждый раз убеждаемся в том, что у нас в школе учится очень много замечательных людей. Но поскольку по Уставу Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского в каждой номинации мы можем избрать лауреатом только одного человека, обнаружение имен тех, чьи кандидатуры не набрали нужного числа голосов, мы считаем просто неэтичным. Поэтому мы давно договорились, что в номинации «Человеческое измерение» будем называть лишь имя выбранного нами лауреата. При этом проигравших здесь нет и быть не

может: раз школа выдвинула этих ребят, значит, это, безусловно, достойные люди. Именно поэтому с этой номинацией у нас, как в швейцарском банке, «полная тайна вкладов».

«Человеческое измерение» — тема весьма деликатная. Действительно, как «измерить человека»? Мы понимали, что каждый раз это будет очень трудная задача. И каждый раз будут те, кто согласится с нашим выбором, но будут и те, кто останется недоволен.

Мы уважаем чужое мнение, но при этом имеем и свое. Премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского – общественная. Ее учредители имеют непосредственное отношение к гимназии (либо учились, либо работают в ней, либо и учились, и работают), но, голосуя, они выражают свою личную позицию. Поэтому мы, с одной стороны, отдаем себе отчет в том, что при выборе лауреата в этой номинации невозможно требовать от

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
VI (2018)	18	9
VII (2019)	16	5
VIII (2020)	15	3
IX (2021)	15	7
X (2022)	19	8
Итого по номинациям	132	46
Всего учащихся	178	

кого бы то ни было стопроцентного «объективизма». А с другой – берем на себя ответственность за то, что наш жизненный опыт, наше знание гимназического сообщества и традиций школы являются достаточной гарантией того, что из предложенных самой гимназией претендентов мы выберем самого

достойного. В конце концов, мы отвечаем за свой выбор собственной репутацией...

Имена лауреатов этого года вы узнаете совсем скоро. А пока – читайте тексты, номинированные на Премию имени Юрия Брониславовича Пирятинского.

Учредители Премии

ПРОЦЕДУРА ВЫДВИЖЕНИЯ

Еще раз напомним, кто и как может быть выдвинут на соискание Пирятинской премии. Речь идет, как правило, об учащихся 9–11-х классов «красного здания» – тех, кто учится (или будет учиться) в этих классах по состоянию на 1 сентября того года, за который вручается премия. Технически процедура выдвижения очень проста.

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ».

Если вы пишете стихи или прозу, просто отберите из написанного вами то, что вам самим нравится. Если вы неуверены в своем выборе, обратитесь к учителям словесности – они вам помогут. Выдвинуть текст можете и вы сами, и поклонники вашего творчества – ваши учителя или одноклассники. Только не забудьте проверить тексты на наличие в них орфографических и пунктуационных ошибок – все-таки номинация называется «Русская словесность». Желательный объем текста – до 12 000 знаков.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ».

В этой номинации самовыдвижение по понятным причинам невозможно. Номинировать человека на Премию могут его товарищи, его учителя, сами учредители Премии. Присылая на указанные адреса имя этого человека, нужно кратко пояснить, почему именно он достоин стать лауреатом Премии имени Ю.Б. Пирятинского.

Выдвижение в обеих номинациях завершается 1 ноября.

Все материалы присылайте по почте либо на личный адрес координатора Премии Владимира Николаевича Рудакова (rs-rudakov@yandex.ru), либо на адрес Премии (premia-1505@yandex.ru).

Лауреаты получают символы Премии (серебряный знак, красный кирпич авторской работы с монограммой «ЮБ» и символический ключ от школы). Кроме того, мы оплачиваем каждому из лауреатов стоимость поездки в рамках гимназических выездов (поход, Волга, путешествие с классом в другой город и пр. – на усмотрение лауреата).

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»:

ТЕКСТЫ ГИМНАЗИСТОВ

**Александра
Галицкая,
9 «А»**

Отражения

Мы видим отражения каждый день. Когда в глубокой ночи всматриваемся в окно, чтобы рассмотреть ночной двор или ночную дорогу, когда любуемся собой в зеркале, чтобы взглянуть на свою улыбку, когда пьем черный горячий чай за столом, когда смотрим в реку или в озеро, чтобы посмотреть на маленьких обитателей водоема, или же когда смотрим в лужу, где гордо и надменно плавают кленовый листок в лучах осеннего солнца. Но что же такое отражение?

В природе невероятно часто встречаются отражения. Природные зеркала – лужи, реки, ручейки, озера, моря. Они помогают усиливать красоту возле них и ее существование. Одна вещь усиливает другую, за счет появления новых смыслов и ассоциаций. Например, отражение луны в луже. На небе луна выглядит как уверенная, горделивая, которая медленно, в спокойствии чинно идет по небу. Луны теперь две, но они не полностью схожи, любая рябь от легкого и беззаботного ветерка, и луна становится совершенно иной: тревожной, волнительной, робкой и неуверенной в себе. Яркий осенний лист плывет по луже по-своему, как бумажный кораблик, а вода отражает его плавание под другим углом, как нечто что-то огромное и мощное.

В солнечный день в комнате играют солнечные зайчики. Солнечные зайчики – это совсем не-

большие осколки лучей, которые благодаря зеркалу становятся видны. Получается, зеркало учит видеть маленькие радости, свет в жизни. Человек, когда хочет поделиться радостной новостью, воспоминанием или же сказать комплимент, направляет «свое зеркало» со светом, чтобы появились солнечные зайчики, которые дают свет в другом человеке. Об этом свойстве отражений написано в стихотворении Тушновой Вероники «О счастье»:

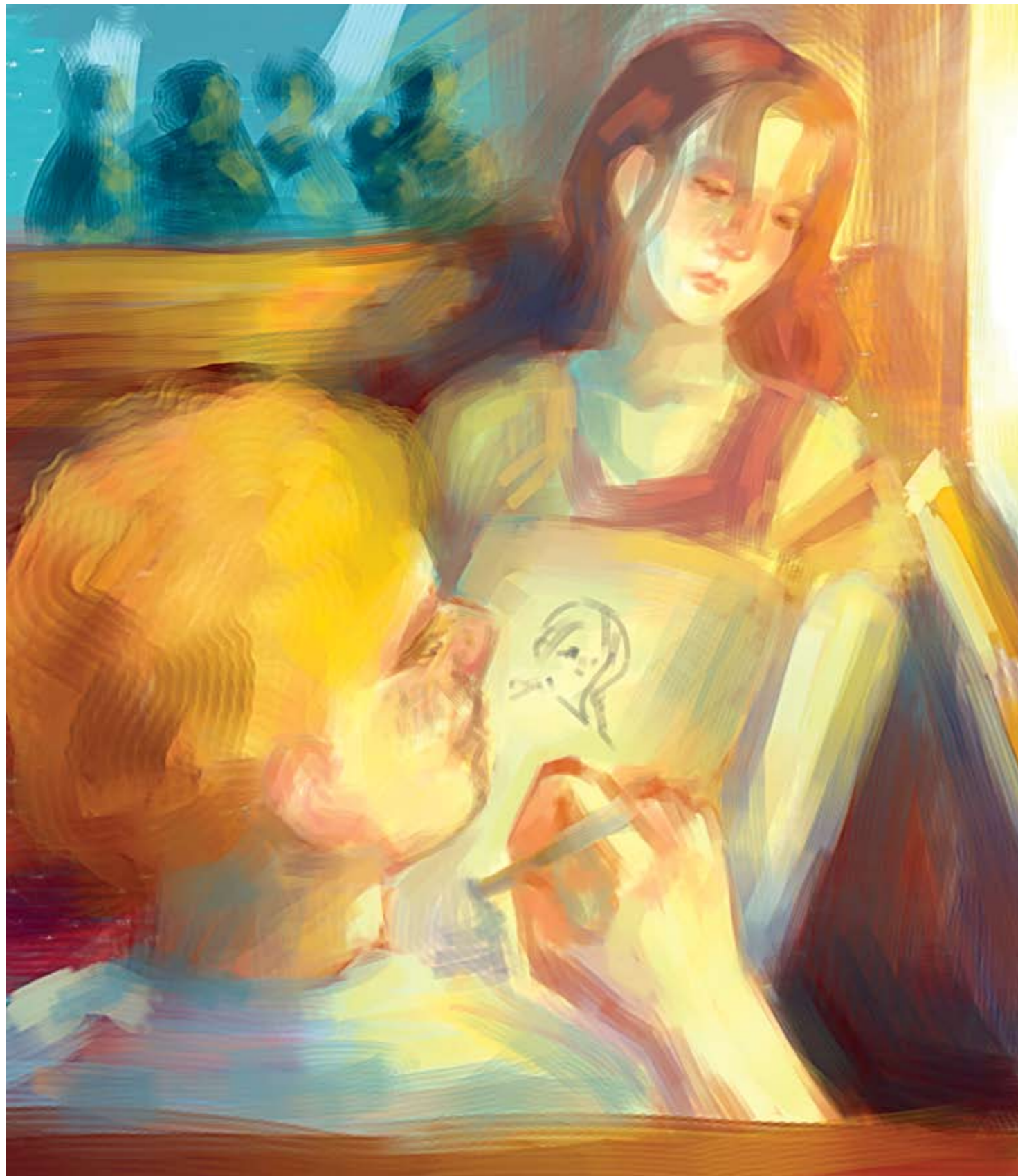
*Ты когда-нибудь плыл по широкой воде,
обнимающей плотно и бережно тело,
и чтоб чайка в то время над морем летела
чтобы облако таяло в высоте?
Ты когда-нибудь в зной
добредал до ключа,
что коряги и камни
обегают журча,
что висящие корни толкают и лижут
и на мох
серебристые шарики нижат?
Ты ложился и пил этот холод взахлеб,
обжигая им пыльные щеки и лоб?
Ты когда-нибудь после
очень долгой разлуки
согрел свое сердце
о милые руки?
Ты когда-нибудь слышал,
в полутьме, в полусне,
дребезжащий по крышам
первый дождь по весне?
И ребячья ручонка тебя обнимала?
И удача большая в работе бывала?
Если так, я почти согласиться готова –
счастлив ты...
Но ответ на последний вопрос:
ты когда-нибудь
сделал счастливым другого?
Ты молчишь?
Так прости мне жестокое слово –
счастья в жизни
узнать тебе не привелось!*

Примером отражения может быть все, что угодно. Например, фотография или же амбротипия (фотография на стекле). Перед тем как создать кадр, фотограф тщательно обдумывает композицию, свет, контраст. Далее у фотографа вырисовывается эта идея в голове, то есть то, что он хочет видеть в результате, а после происходит отражение его мыслей на фотографию. Любое творение – это проявление и осмысление образа. Получается, чтобы было невероятное отражение, нужно хорошенько подумать о том, что хочет человек в итоге.

Шедевр создается с помощью отражения. Для его создания необходим эскиз или набросок мыслей, то есть некий всплеск, из которых потом делается гладь и ясность. Ведь отражение – это «изображение предмета, получающееся на гладкой поверхности». Но если быть честной, я не совсем согласна с этой формулировкой, на мой взгляд, отражение – это восприятие предмета или мысли. Благодаря тому, что отражение – это восприятие, рождается бесчисленное множество ассоциаций, смыслов, что помогает усилить идею автора.

Любой поступок – отражение, в котором туманно проявляется мысль. Любые выводы, доводы, суждения и мнения – отражения, в которых проглядываются мысли и поступки, как маленькие звездочки на летнем ясном ночном небе.

Когда капельки росы переливаются всеми цветами на солнце, когда искрится снег в морозный январский день, когда спокойное море на рассвете нежно поет, когда ночью кот смотрит в лужу при свете луны. Когда смотришь на перевернутый и искаженный мир через каплю, которая свисает с листка. Когда задумчиво смотришь на картину, которая висит за стеклом. В эти моменты отражения становятся заметны и вызывают невероятный восторг.

**Анна
Калюжная,
10 «Б»**

Каштановая аллея

Когда мне было шесть или семь лет, мы с семьей жили в другом городе. Родители работали с раннего утра до позднего вечера. Но и после ужина мамыны теплые руки и колени были заняты: мои братья, приласкавшись, смотрели телевизор. Я могла притулиться к маме сбоку, пока не начинала засыпать. Потом папа брал меня на руки и нес в кровать. Бережно клал на подушку, поглаживая меня рукой по щекам. Затем включал маленький светильник и тихо выходил из комнаты, прикрыв за собой дверь. Лежа в кровати, я думала, как пройдет мой следующий день, какие приключения меня ожидают: мы с друзьями будем подавать разные блюда из песка, играть в пиратов или пришельцев на большой закрытой горке.

Но больше всего я любила проводить время сидя на верхних ветках огромного каштана, который рос неподалеку от квартиры, среди других деревьев. Каштановая аллея располагалась в десяти минутах от моего дома, у забора детского садика, выкрашенного в голубой цвет. Высоко на моем каштане мне можно было качаться весь день до усталости. Меня там никто не мог достать. Никто и пробраться-то не мог к моему убежищу:

трава была по пояс, рядом темнели заросли кустарника, торчали кое-где ветки боярышника. Тучный охранник детского сада где-то далеко-далеко внизу всегда ругался, приказывая слезть с дерева: думаю, он за меня беспокоился, хоть и выражал беспокойство весьма грубыми словами для маленькой девочки. Но этот большой грозный дядька мне нравился. Нельзя было назвать его человеком веселым, ведь он всегда находился в дурном расположении духа, постоянно ворчал и приговаривал: «Куда смотрят родители». Зато можно было назвать его человеком добрым, ведь он своеобразно переживал за абсолютно незнакомую ему девочку. Но, несмотря на это, я его маленько побаивалась. Хотя бояться было нечего – сверху он мне казался таким маленьким, почти с мизинчик. И даже если бы он начал мне угрожать, трясти дерево, упомянутая безопасность, я бы все равно не спрыгнула вниз. Никакая человеческая сила не смогла бы заставить меня покинуть мое убежище. Ни один взрослый человек, будь он очень сильным, ловким или умным, не справился бы со мной. Не считая моей мамы, конечно же. Ветки с мягкими пахучими листьями плавно качались от ветра, а я сидела на самой верхушке моего каштана и ела сухари, слушая пение птиц и чуть доносившиеся голоса из детского сада. Но наступало время ужина, и я пулей бежала домой – чтобы мама не волновалась и я успела к мультикам.

Прошло время, мы переехали. Но вот несколько недель назад я вернулась на то самое место, в каштановую аллею. Район начали облагораживать: появились скамейки, детская площадка. Молодые парочки вместе с детьми в колясках медленно прогуливались взад и вперед. Некоторые деревья пришлось срубить: какие-то прогнили, какие-то сломались во время сильного ветра. Но мой каштан остался на своем месте. Как будто он всегда будет стоять здесь, что бы ни случилось сейчас и ни случится потом.

Я залезла на массивное дерево. Да, это выглядело слегка нелепо, что девушка в строгом сером пальто карабкается, цепляясь за сухие ветки, пытаясь залезть на самую вершину. Но каштан вырос так же как и я. И вот я снова маленькая на таком большом дереве. Я снова боюсь собак, остаюсь одна в квартире, спать с выключенным светом и только если совсем чуть-чуть боюсь того грозного охранника детского сада в смешной кепке. Я снова считаю время до передачи «Спокойной ночи, малыши, и для меня снова праздник лепить с мамой пельмени. Я сидела на ветках, и никто и ничто не смогло бы меня найти – я же спряталась, укрывшись листьями, на самой верхушке моего каштана и затаила дыхание – чтобы не услышали.

У меня было убежище. Большое убежище. Мое. И мне не будет страшно. Мне никогда не будет страшно. Если только чуть-чуть. Из-за того грузного охранника. Но я почти не боюсь.

**Илья
Колесников,
9 «Г»**

Рыцарь

Не одно тысячелетие уже существует Рыцарь. Доспехи его изготовлены из чистой платины с бесчисленными золотыми пластинами на груди, руках и ногах. В острый его меч вставлен прямой рог – серый, как грозное небо, принадлежавший когда-то Неведомому Зверю. В шлем его вставлено прекрасное перо, переливающееся всеми цветами, которые есть на свете. На поясе висит кубок с золотыми узорами. А за спиной у Рыцаря – искусство созданный лук с чудесной гравировкой.

Однажды Рыцарь выковал меч, лезвие которого резало и рубило все, к чему он ни прикасался. И отправился он в долгое путешествие.

И прибыл Рыцарь в великолепные земли, где благоухали белые, словно снег, цветы, где произрастали пышные пушистые травы и возвышались к небу деревья, где жили счастливо и беззаботно звери, рыбы и птицы.

– О странствующий рыцарь, что привело тебя в наши земли? – спросил встретивший его Неведомый Зверь. Не был похож Зверь ни на кого другого. Вобрал он в себя черты многих других живых существ. Были у Зверя глаза совы, копыта свиньи, крылья орла, тело льва и длинный серый рог словно наконечник копья.

Но Рыцарь не ответил на вопрос Зверя. Он лишь вознес свой меч и отрубил тому голову. Тотчас оросились белые цветы алыми красками, начав вянуть. Деревья иссохли, а звери все разбежались в страхе. Кровь Зверя вьелась в меч Рыцаря, отчего меч стал черным как смоль. Но Рыцаря это не взволновало. Он взял рукой за рог Зверя и срезал его, но и этого ему казалось мало.

И пошел Рыцарь дальше.

После многих дней пути попал он в Царство Птиц. То были величественные горы и долины, где жили тысячи красивейших птиц. Но Рыцарь истребил их всех и выдернул перья, отыскав то непо-

вторимое перо, в котором отражались и голубизна неба, и синева моря, и краснота заката, и яркость рассвета, и зеленые поля, и серые горы с заснеженными макушками. Забрал Рыцарь без колебания себе перо. Но ему и теперь хотелось большего.

Возжелал Рыцарь себе доспехи из чистой платины и золота, чтобы сияли они словно спустившаяся на землю звезда и защищали его. Рыцарь брал все, что ему было нужно, и больше, чем было необходимо, ведь Рыцарю казалось, что ему этого мало. Он собрал золото со всего мира, забирая его и у своих братьев-сестер, и выковал сияющие доспехи, чистые и яркие, чтобы прикрывали они его грязную натуру. Но Рыцарю этого было опять мало.

Захотел он построить себе особняк, который будет возвышаться над могучими горами всего мира. Осушил целое море, оставив погибать растения и живые существа без воды. Созвал Рыцарь своих братьев-сестер и заставил их строить особняк без сна и отдыха. Отказавшихся строить карал своим мечом.

И снова Рыцарю этого было недостаточно.

Вырубил он огромные площади лесов, чтобы найти ветвь и тетиву для лука. И еще больше вырубил, чтобы сделать стрелы.

Создал Рыцарь лук, на котором вырезал картину, где он в сияющих доспехах со светлым мечом возвышается над всеми существами в мире. И изобразил он себя в величественной короне, сделанной из костей каждой живой твари. Но хотел Рыцарь еще большего.

И пошел он губить своих братьев-сестер, всех, кто смел хоть немного преградить ему путь. Ни разу не содрогнулась рука, лишавшая жизни кого-либо, и ни разу не промахнулась стрела, выпущенная из его лука.

И захотелось Рыцарю бессмертия. И решил он создать эликсир из каждой живой твари мира, потому что хотел Рыцарь лишь своего вечного существования – в богатствах и безмерной власти, ибо неведомы Рыцарю короли и владыки, ведь сам он и есть король и владыка всего, чего только ни пожелает.

И по сей день продолжает Рыцарь истреблять живых существ, чтобы создавать украшения и строить особняки. А под доспехами из золота и платины бьется черное сердце.

А имя этому Рыцарю – Человек Неразумный.

Варвара Кузнецова, 11 «А»

Кавказ

Речной конь

*Вот бежит и рвется на вершину
Белый конь сквозь голубых холмов,
И гряда другой горы грозит ему.
В верх взбежать пока он не готов.*

*Вот другой взбираться начал рьяно,
Иноходью рвется конь в полет.
Скачет он, от гонки будто пьяный,
И ушами пенными прыдет.*

*Он взлетел на верх скалы прибрежной
И рассыпался на белых капель звон.
Не догадывался конь тот белоснежный,
Что рекою от горы рожден.*

*Можно я останусь здесь?
Буду лежать, лежать, пока совсем
не враспу в эту траву на горе*

*Ты оставь меня здесь, на Кавказе,
Положи на траву, отнеси ль до горы,
Я враспу в эту землю не сразу.
Полежу наверху до поры.*

*Сединой ковыль в кудри вплетется,
Птицы гнезда в них совьют,
А сквозь сердце ручей пробьется,
Пусть кого-то я напою.*

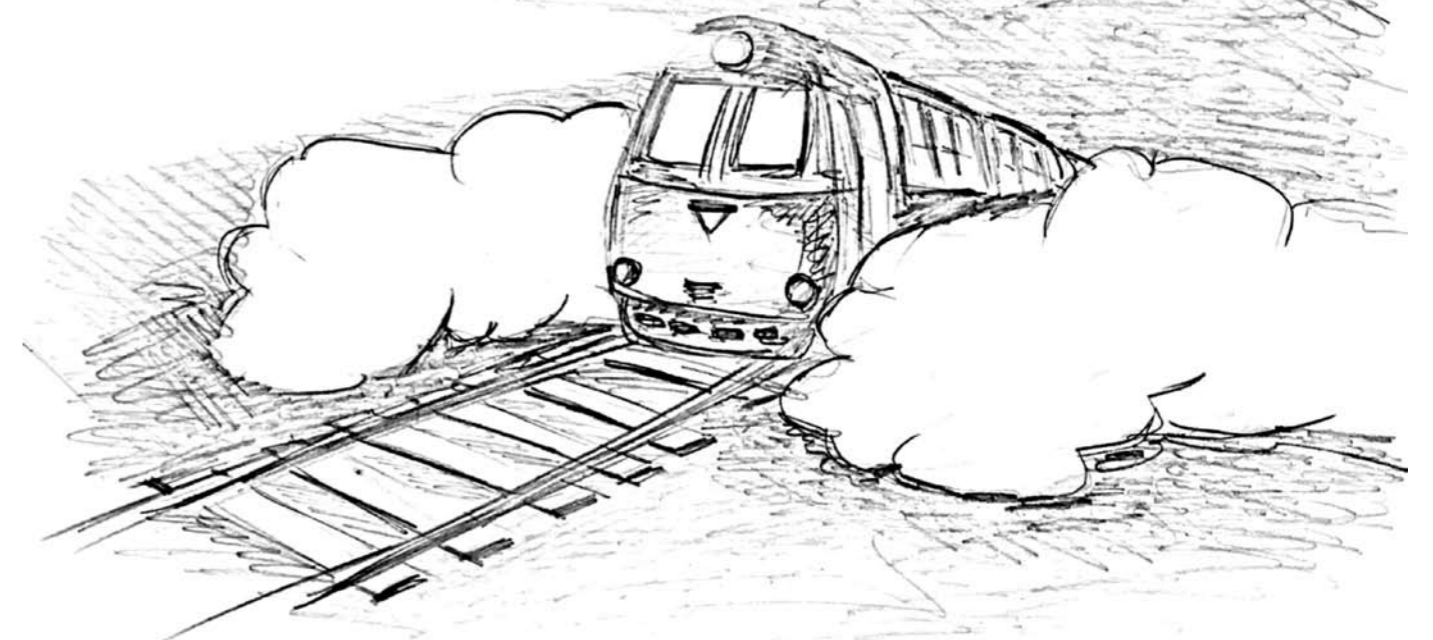
*Пусть табун выпасают на месте,
Где ручей мой течет живей.
Ты поскачешь в аул к невесте,
А найдешь лишь невесту полей.*

Воля

*Стук копыт звучит в степи,
Пыль ковыль покрыла,
Конь рвет с землей траву, хрипит,
Главой крутя ретиво.*

*Он вырос диким средь холмов
И, ноздри раздувая,
Дитя полей, дитя ветров
Все мечется, играя.*

*Известна ль плеть тебе? – Ничуть,
Неволить не позволю,
А коль случится – круча есть...
Но дух мой будет волен.*

Егор Кузьмичёв, 9 «В»

*Смерть – это то, что бывает с другими.
Иосиф Бродский*

I. Поезд

*Поезд отправлялся под откос,
Разрывались рельсы, гайки, шпалы,
Пыль, осколки, гарь летели в нос,
И гудок раздался запоздалый.*

*На бок наклонился паровоз,
И, с путей со скрипом улетаю,
В лед, который только что замерз,
В озеро упал, ломая сваи.*

*И как будто снова застучал,
Механизмом ржавым бултыхая,
Лампами, хранящими накал,
Рыбок уплывающих пугая.*

*Поезд двигался еще чуть-чуть,
Утопали мокрые вагоны,
Он отправился в последний путь,
Утопая в иле, обреченный.*

II. Церковь

*Среди смольных веток сосновых лесов
Стояла церквушка, кирпичною кладкой
Краснея над землями сельских дворов,
Шурша между веток молитвою краткой.*

*Вдруг взрыв заглушил колоколенный звон,
Кокарда краснела как кровь, ярче церкви,
А птицы кричали меж сосенных крон,
Огнем разбежались над куполом черти.*

*Родятся потомки и дети детей,
А место погромов застроят дворцами,
И только один придорожный репей
Помянет, ведь церковь пропала с концами...*

III. Памятник

*На постаменте, на гранитной глыбе
Стояло правильное бронзовое тело
Внутри холодное, его лишь солнце грело,
Его – безвольного, застывшего в порыве.*

*Внутри давно он мертв, снаружи пылкий,
За волевым лицом лишь космос боли,
Нагретый солнцем, этот сгусток воли
По площади растекая бронзой жидкой!*

«Пирятинская лекция – 2018»: Павел Палажченко – личный переводчик президента СССР Михаила Горбачева

Александра Купецкая, 11 «А»

Кондитер вселенной

– Далее в эфире: художественный фильм талантливого режиссера современности, повествующий об истории развития исчезнувших миров нашей вселенной. Вы погрузитесь в атмосферу цивилизаций прошлого, узнаете о жизни таких же нелюдей, как мы, за сотни, тысячи лет до создания мира статичного – нашего с вами мира. Не переключайтесь, и мы начнем сразу после антирекламной паузы.

Камера сделала оборот вокруг ведущей. Экран маленького телевизора в углу комнаты потемнел.

– Внимание!

Телевизор вспыхнул резким белым светом. Крупный план худощавого диктора заполнил экран. И без того писклявый голос казался еще более высоким сквозь потрепанные динамики, то и дело переходя в шипение и заедая.

– Помните: реклама, преследующая коммерческие цели, вредит нашему обществу. Если вы заинтересованы в саморазвитии, если вам интересно, как раз и навсегда отказаться от просмотра однотипных рекламных видеороликов, приходите на наши курсы. Именно мы поможем вам найти эксклюзивные техники расслабления, подходящие именно для вас. Само собой, совершенно бесплатно. Записывайте номер, дорогие зрители!

До этого не двигавшаяся камера резко отдалилась, показывая в руках у худощавого диктора табличку с длинным набором цифр.

Через несколько секунд экран вновь потемнел, не оставив в комнате ни одного источника света. Музыка, неожиданно завизжавшая через динамики, казалось, была способна выбить стекла из окон. Подрагивающие титры гласили: «Кондитеры вселенной». Через пару мгновений появился кадр прекрасного космического неба. Тысячи, миллионы звезд сверкали в объективе камеры, медленно плывущей куда-то вперед, все четче вырисовывая два силуэта вдали.

– Много лет тому назад, – послышался монотонный закадровый голос, по-прежнему прерываемый периодическим шипением, – в нашей вселенной была пустота. Не было галактик, не было миров, не было планет, не было жизни. И только они существовали, существуют и будут существовать. Они были здесь с самого основания и будут до самого конца. Они строят миры. Они миры разрушают. По крайней мере, во вселенной нашего фильма. Помните, что все это лишь художественный вымысел, а авторы не несут ответственности за ваше восприятие увиденного.

Скучный длинный поток слов все лился и лился через динамики. Камера все плыла и плыла вперед. Силуэты становились все ярче и ярче. Звезд в кадре становилось все меньше и меньше.

– ...И прямо сейчас мы застали их на пороге создания тех самых важных двух миров. Тех миров, на опыте которых учились наши основатели. Те миры, благодаря ошибкам которых мы сейчас живем в безопасном здоровом обществе. Их же самих называют создателями, творцами. Однако мы будем называть их...

Камера вдруг затормозила. Голос вдруг стих. Единственным движением на экране стало слабое мигание звезд на небе и смутно различимое движение силуэтов вдалеке кадра. Послышался шепот. Словно диктор гово-

рил с кем-то, намеренно давая зрителю слышать лишь обрывки шепотка на том конце микрофона.

– Знаете, дамы и господа, – вновь запищел диктор, – мой сын, только что услышав мой вам рассказ, предложил называть их кондитерами. Кондитерами вселенной. Стоит заметить, что это весьма точное обозначение. Вам еще предстоит узнать почему, – голос откашлялся. – Но мы отвлеклись. На чем я остановился?

Кадр снова пришел в движение. Звезды по краям экрана стали размытыми, фокусируя все внимание на приближающийся силуэтах в центре.

– Дорогие зрители, вы готовы? Готовы узнать всю историю нашей вселенной всего за полтора часа? – из шипящего теперь голос стал гнусавым, начиная раздражать. – Встречайте. Это они. Те, кто поведают вам все: от начала и до сегодняшнего дня.

Диктор замолчал, камера замерла на месте. Посередине кадра, друг напротив друга, сидели два старика. На обоих остроконечные синие шляпы, такие же синие мантии, пологи которых свисали и медленно покачивались, чересчур заметно обрамленные краями видневшегося зеленого экрана. Посредственный монтаж. Весьма. Старики сидели на высоких табуретках, паривших в воздухе, оба скрестив руки. Картинка выглядела несколько сюрреалистичной, но, в конце концов, художественный фильм на то и художественный.

Общий план сменился крупным, показывая лицо одного из стариков, сердито уставившегося на персонажа напротив.

– Многоуважаемый кондитер 1, при всем почтении, я вынужден не согласиться с вами. Любой наш коллега скажет вам, что торт должен состоять из крема, сверху на который кладутся коржи. Это растягивает удовольствие. Позволяет оставить самое вкусное напоследок.

Еще до того, как камера успела переключиться на крупный план второго старика, голос того уже скрипел сквозь динамики.

– Неправда, многоуважаемый кондитер 2. При всем почтении, любой наш коллега скажет, что правильно класть крем на коржи. Перво-наперво должна идти твердая основа, а уж потом все остальное.

Возможно, режиссеру-постановщику стоило порекомендовать актерам добавить жестикуляции, а не сидеть, как статуи. С другой стороны, быть может, это замысел такой? Надо же, современное искусство бывает таким многослойным. Мир вроде статичный, а искусство вон какое динамичное. Подумать страшно.

– Давайте же заключим пари, многоуважаемый кондитер 2, – снова показался общий план. – Мы оба сделаем свои торты и посмотрим, чей же окажется вкуснее.

Торт – это типа аналогия с миром или что? Нет, ну современное искусство в мире нелюдей и правда какое-то сложное. И вот снова крупный план.

– Я согласен, многоуважаемый кондитер 1. Давайте начнем.

Оба старика театрально вытащили откуда-то из-за пазух венчики и лопатки, решительно кивнули друг другу и посмотрели прямо в объектив, на зрителей. Надо же. Сломали четвертую стену. Фильм становится все более сюрреалистичным. Камера вдруг начала медленно вращаться вокруг своей оси, постепенно набирая и набирая скорость. Кадр становился все более расплывчатым, не позволяя разглядеть происходящего за вихрем несущегося объектива. Музыка, сопровождавшая сие действие, была самой обыкновенной: громкой, задорной и свистящей от собственного темпа.

Наконец, видимо, решив все же не доводить своих же зрителей до тошноты, камера начала замедляться, и в кадре показались все те же два старика, сосредоточенно рассматривающие свои кулинарные шедевры, парящие в воздухе. И правда, торты сделали.

– Я вижу вы, многоуважаемый кондитер 1, закончили раньше, – смиренно пробубнил старик слева. – Так давайте с вас и начнем.

К небольшому круглому тарту с коржами сверху и кремом снизу, парившему напротив старика справа, протянулись две вилки. Камера тоже медленно приближалась, пока, казалось, не окунулась прямо в крем и не погрузила экран в белый туман.

– И вот он, – послышался уже знакомый голос диктора. – Мир прогрессивный. От устаревшего и неактуального к новому и современному. Такова здешняя философия. Авторы настоятельно просят вас обратить внимание, что фильм художественный, все названия вымышлены и не имеют отношения к реальным философским концепциям.

Вспышка света, и туман на экране рассеялся, обнажив кадр, казалось, обычного большого нечеловеческого города. Машины, нелюди, дома. Разве что билборды гла-

зят не «Откажемся от рекламы вместе!», а «Здесь могла бы быть ваша реклама!».

– Уважаемые зрители, обратите свое внимание на местный так называемый взрослый сад.

Камера медленно поплыла вперед по оживленной улице по направлению к огромному зданию, небоскребу, уходящему своей высотой куда-то в облака. На табличке над входом и правда красовалось название «Взрослый сад».

– Добро пожаловать в прошлое, друзья, – почти промурлыкал своим гнусавым голосом диктор, когда камера плавно прошла сквозь входную дверь. – Как вы можете видеть, несмотря на название этого заведения, здесь в основном обитают совсем дети.

Дети. Да, дети. В костюмах. В деловых костюмах. Дети, сидевшие за столами и обменивавшиеся между собой какими-то бумажками, даже не смотрели в сторону проплывавшей мимо камеры. Они выглядели, как

ИСТОРИК
НА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ГБОУ ШКОЛА № 1505 - ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» -
ОЩЕСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО

ПРИГЛАШАЕТ ВАС
в среду, 9 ноября, в 13 часов

«Регулярное государство»:
ЧТО СТРОИЛ ПЕТР I И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР
ИГОРЬ КУРУКИН

УЛ. 2-Я ПУГАЧЕВСКАЯ, Д. 6А, АКТОВЫЙ ЗАЛ
ДЛЯ КОГО? УЧАЩИЕСЯ 9-11-Х КЛАССОВ И УЧИТЕЛЯ
ВАЖНО! КОЛИЧЕСТВО МЕСТ ОГРАНИЧЕНО
ИСТОРИК ОСНОВАН В 1977 ГОДУ

обычные офисные работницы, только дети.

Кадр сменился, и по экрану замелькали книжные полки, показывая разнообразные произведения того времени. Картинка была не слишком быстрой, двигаясь в такт голосу диктора.

– Концепция первого мира проста: более молодые, прогрессивные идеи должны превалировать при принятии любых решений. Развитие должно идти к новому. Оставлять все сложное, устаревшее, неактуальное позади. Дети в этом мире намеренно проходят этап «взрослого зандудства» еще в раннем возрасте.

На корешке одной из книг в кадре мелькнула надпись «Книга рекордов...». Хотя что-то схожее с настоящим. В мире статичном тоже есть такая книга. Нелюди, стремящиеся к постоянному превосходству друг на другом, – это не меняется веками.

– Например, вот эта группа детей, – на экране появился крупный план небольшого стеклянного столика, вокруг которого сидели пятеро детей не старше десяти

лет. – Прямо сейчас они решают вопрос о реформации промышленности в стране.

Крупный план сменился общим, и можно было рассмотреть всю комнату сразу. Таких вот групп детей было очень много, все они что-то активно и шумно обсуждали. Неужели действительно так было в прошлом? Или это лишь выдумки режиссера?

Камера вдруг довольно быстро ринулась назад, оставляя странный детский офис впереди, проходя сквозь дверь и снова оказываясь снаружи, среди бегущих пешеходов и мчащихся автомобилей.

– Теперь, дорогие зрители, мы приглашаем вас взглянуть на работу главных государственных структур в этой цивилизации прошлого.

Движение на экране стало в несколько раз быстрее. Кадр метался с улицы на улицу, стремительно проносясь мимо вывесок, витрин и всего, что удавалось разглядеть в размытом от скорости тумане на маленьком экранчике телевизора.

В следующие несколько мгновений стало видно небольшое, однако очень яркое здание желтого цвета. От явно свежей краски даже сквозь объектив будто исходило какое-то свечение. Над входом, как только камера замедлилась, можно было прочесть «Желтый дом».

Кадр сменился, позволяя взглянуть на происходящее внутри.

– Здесь вы можете наблюдать взрослую часть населения. Они решают самые важные государственные вопросы, руководствуясь исключительно мышлением прогрессивных молодых людей. Хотя важно заметить, что молодость в данной цивилизации не сопряжена с биологическим возрастом.

В этом диктор явно был прав. Камера медленно перемещалась по небольшому пространству здания, показывая взрослых людей разных полов и возрастов. Никто из них не был одет в деловой костюм, отнюдь. Все носили обычные, несколько несурзные и не всегда сидящие по размеру вещи: толстовки, спортивные костюмы, яркие цвета или наоборот исключительно черную цветовую гамму. Весьма необычный дресс-код для такого места.

Хотя камера по-прежнему лишь плавно двигалась по всей комнате, показывая исключительно общие планы, было заметно, что никаких документов ни у кого в руках не было. Кто-то молча пялился в телефон, кто-то что-то черкал на листках бумаги, а парочка в дальнем углу играла в компьютерную игру, судя по звукам, в какую-то военную стратегию.

– Никакого взрослого занудства, устаревших подходов и бесполезной бюрократии. Исключительно реформы, прогресс и молодость. Таков принцип этого мира, – подвел итог диктор.

Именно в этот момент экран озарился яркой белой вспышкой и камеру отбросило назад, будто невидимой волной от взрыва.

В кадре снова оказались два старика в своих странных остроконечных шляпах. Они стояли друг напротив друга. Оба с вилками в руках, в процессе дегустации.

– Нет, – разочарованно покачал головой старик слева, когда камера взяла его крупным планом. – Это явно не то. Простите, мой достопочтенный коллега, но ваш торт не соответствует моему утонченному вкусу.

– В таком случае, – план снова сменился, перейдя на старика справа, – давайте попробуем ваше изделие.

В этот раз камера двигалась быстрее, приближаясь ко второму тарту, парившему в воздухе, и через несколько секунд экран потемнел.

– Добро пожаловать на урок истории в мире развивающемся, – тихо произнес диктор.

На экране стали постепенно вырисовываться буквы. Сначала совсем крупные, но, по мере отдаления камеры, они становились все меньше и меньше, пока, наконец, прямо перед объективом не захлопнулась книга, спрятав показанные до этого в кадре страницы.

Где-то за камерой раздался мужской голос, однако он не принадлежал знакомому диктору.

– Вот так, не пережив масштабную катастрофу, и прекратил свое существование мир прогрессивный, – кадр отдалялся, меняя ракурс и превращаясь в общий план. Стало видно мужчину в строгом сером костюме, а перед ним за партами сидели с десятков детей. В руках у мужчины была та самая захлопнувшаяся книга с заглавием «Учебник истории. 15-й класс». – Основатели нашего мира учли ошибки своих предшественников. И это правильно. Они создали новую концепцию идеального мира. К этому идеалу мы стремимся. История призвана помочь нам не повторять одни ошибки дважды. Именно поэтому мы живем в безопасном и здоровом обществе, чья судьба не окажется столь плачевной благодаря осознанности наших основателей и их умению учитывать опыт предков.

Кадр сменился, показывая коридор, очевидно, той же школы. Дети помладше и сильно постарше бегали, кричали, общались. У кого-то яркие волосы, у кого-то порванная одежда. По мере движения камеры в глаза могли броситься значительно выделяющиеся среди общей толпы, кажется, учителя. Все в строгой деловой одежде, кто-то с книгами, кто-то с папками.

– Концепция мира развивающегося противоположна концепции мира прогрессивного, – зазвучал гнусавый голос диктора. – Важные вопросы должны решаться опытом, а все детские забавы, в как можно большем количестве, должны оставаться в детстве.

На экране появилась небольшая группа детей, столпившихся в углу, рядом с книжным стеллажом, пока камера кружила вокруг.

– Самому старшему ребенку здесь – 21 год, – продолжал диктор. – Школа в этом мире растянута настолько, насколько возможно, чтобы совершенно вся «детская глупость» оставалась к моменту выпуска здесь.

И снова лишь одна схожая с настоящим вещь – на книге на одной из полок красовалось название «Книга рекордов...».

– Опыт, возраст, постепенное развитие. Таковы принципы этого мира, дорогие зрители, и...

Неожиданно голос диктора стал заедать и шипеть сильнее обычного, экран телевизора замигал. Вспышки света вызвали головную боль. В следующий миг вдруг все исчезло. Экран стал черным. Затем снова появились два старика, по-прежнему споривших о своих тортах. Голоса диктора, однако, больше не было. Да и ракурс казался каким-то странным. Теперь в кадре старики виднелись со спины.

– Уважаемый коллега, может, вы нам подскажите?

Один из стариков смотрел прямо в камеру, будто обращаясь к зрителю.

– Мы никак не решим, чей торт лучше. Они оба не нравятся ни одному из нас, – старик все продолжал смотреть в объектив, уперев руки в бока.

– А что это у вас, многоуважаемый? Тоже торт? – вдруг спросил другой.

И вдруг объектив опустился вниз. И правда, торт парил прямо под объективом.

– Дадите попробовать?

Варвара Лазаревич, 9 «А»

«Метро»

*Снова спускаюсь в вагон я метро.
Мирно, спокойно шатает его.
Парень под боком тихо сидит,
Искося смотрит и просто молчит.*

*Ручка. Блокнот. Пенал и портфель.
Быстро рисую портреты людей
Дедушка старый, дама в пальто,
мальчик, глядящий просто в окно.*

*Поезд шатает, мысли дрожат.
Руки снова что-то творят.
Вот наконец последний портрет,
И снова тоска стучится в ответ.*

*Станция, станция и переход.
Кто-то уходит в соседний вагон,
Кто-то смеется или молчит,
Кто-то спокойно с другом стоит.*

*Поезд затих. На выход пора.
«Вот и конечная», – твердят голоса.
Выход на улицу. Воздух, тепло.
Старый вагончик ждет вас в метро.*

*Плетешь венки мне из ромашек,
Даря улыбок фестиваль.
В траве, сидя среди ярких красок,
Мы забываем про печаль.*

*А на кудряшках золотистых,
Что ветер треплет иногда,
Бегут божьи коровки быстро.
Их убираешь не спеши.*

*И Солнце поцелует щеки,
Веснушек большие сотворяя.
А нежный взгляд твой из-под челки
Направлен только на меня.*

*Смущаясь и краснея снова,
Я робко наклонюсь к тебе.
Венок твой так сидит удобно,
И шепчешь, что идет он мне.*

**Софья
Левина,
9 «В»**

В глубинном, сокрытом на поверхности

Черные воды сомкнулись над едва светящимися спичечными коробками, оставляя лишь один полноправный источник света для заблудших душ – луну.

Ее огромное скопление световых глаз выливает свои полупрозрачные молочные пятна взглядов на долину, давая каждому выдающемуся из тьмы силуэту показать свои чувственные изгибы и резкие, характерно выделенные обрывы с густыми бровями зарослей, спускавшихся вниз по склону. Сама деревня была очень робкой и словно отражала слияние рукотворного и боготворенного природного чуда. Из-за множественных зеленых лоз и древесных мхов выглядывали деревянные стены домиков, а сами дома узкими, слегка перекошенными своими стеблями устремлялись ввысь, так, будто каждый дом был естественным ростком какого-то могучего дерева или же случайно сброшенным осколком скалы. Ночь переливалась многообразием красок, походивших на оперение хозяйски важной и бесконечно гордой птицы, которая укрывала своими крыльями в инсомнии застывшие дома. И дома эти тщательно пытались согреться желтым светом, исходящим откуда-то изнутри, и громоздились, едва ли не прижимаясь друг к другу стенами. Если в такое время выйти на виляющие дорожки, которые бесспорно полезны, но предсказуемо указывали, куда следует идти, можно увидеть на склоне за деревней бегло мелькающий и стучащий, словно опытный пианист по клавишам фортепиано, поезд; он выходит из темных дебрей одной части леса и, поймав лунные лучи, с глухим воем басовых струн стремится в другую часть зарослей, по дороге раскрывая своему взору целую деревню и большое озеро отражений за перелесками. Шелест листвы, осужденной совсем скоро превратиться в пыльный ковер, холодный ветер раннего сентября, едва различимый скрежет ломающихся тонких льдов озера под неизвестными лесными жителями, редкий лай, стук колес поезда, везущего уставших путников, стрекотание высокой травы,

скрывающей множества сверчков, и, конечно, млечный глас луны, поющей ночную песнь, нагоняющую сонливость. Из всех этих ночных звуков создавалась удивительной красоты музыка, так, что натуры искренние и тонкие душой и сердцем могли бы нырнуть в звуки ночи и облиться сверху чудесной свежестью моментов, сходящих к нам из самих материнских рук природы. Различные травы и деревья дарили жизни свое дыхание и перемешивали его с ветром ветвями рук. В этой ночи таилась необыкновенная тайна вселенской свободы, истоков искренности, правдивость жизни материй, истины жизни идей и вечность душевного спокойствия. Эта ночь особенно бережно хранила свои по-детски улыбающиеся или серьезно насупившиеся явления этого края, не исключая людей – добрых сожителей этого природного искусства. Каждый человек, живущий в этом свободном дрожащем потоке, ныне отдававшим горечью зимы и теплой сладостью ушедшего августа, видел вокруг себя и содержал изнутри невыносимо прелестную для моего сердца красоту. Она словно проросла в сложных сплетениях судеб. Мне нравится вглядываться в их детали, видеть общее по сумме маленьких разноцветных стеклышек калейдоскопа, из которого люди складываются в абстрактно сложные и противоречивые фигуры, непредсказуемо ясные и в то же время туманно задумчивые. Каждый раз, когда я вглядываюсь в глаза этих людей, мне кажется, что каждый из них похож на разного вида проявление любви этого края. Вот острый и прямой нос, выражающий каменную силу уверенности, и щекочущие его добродушием рыжие веснушки. Вот глаза формы слегка унывающей грусти, края их век диагонально тянутся вниз, но тем не менее они выражают сияющую радость и увлеченность. Вот по-лисий настороженные брови, которые в сочетании с большими ушами производили впечатление очень внимательной особы с бегавшим взором. Вот округлые щеки с плавными линиями губ, напоминающими застывшие волны озера ветренным днем. Светлые густые

ресницы, слегка запутавшиеся, словно пушистые колося. Широко раскрытые глаза, цветущие зеленым. Старчески морщинистые руки, по прикосновению похожие на мшистые камни. Совсем детские маленькие носы. Длинные худые руки. Широкие лбы и изящные профили. Родинки, много родинок, точно снующих по лицу и рукам. Еле голубеющие бледные и спокойные серые глаза, похожие на пасмурное сумеречное небо. Все эти лица живут в одном месте, но каждое из них поет о своем, отделено от другого стенками дома и ищет в своем мире разные отражения. Но всех их объединяет чувство, у всех у них есть стебелек, который я называю любовью. Эта любовь, из разных цветов, материй, звуков, направлена на разные части многообразия в нашем мире, но именно она источник жизни. И пока я вижу эту жизнь, я верю в красоту их мыслей, верю в природу людей и восхищенно наблюдаю за ними, пока чужая сосредоточенность рождает во мне чудо, оно сливается со мной, и чужая любовь к миру разжигает во мне все огни так, что я могу не бояться, что сильные ветра смогут их погасить...

Кажется, здесь, в правлении свободы природного искусства, я могу понять полную глубину мира и испытать искренний и теплый восторг, с непривычки отражающийся бегущей тревожной россыпью мурашек по спине. Мне кажется, Глубина мира может быть скрыта в этой маленькой деревне, окруженной лесными скалами около большого озера. Я долго пытался понять, что же я чувствую, находясь в этом месте. Я чувствую себя на глубине того самого огромного озера, отражающего ласковые лунные лучи, и чувствую наяву, как холод глубины слегка обжигает мою кожу, но я чувствую себя в потоке множества эмоций, чувствую себя окруженным чудесами искусства, будто находясь в каком-то совершенно волшебном мире, где,

что бы я ни вообразил, искусства могут явиться передо мной, исходя из меня самого. На этой глубине сначала перехватывает дыхание, а потом ты начинаешь дышать звуками резонирующих голосов, шелестом травы, ты чувствуешь всем своим существом музыку, ты видишь вокруг себя линии, бегущие, страдающие, умиротворяющие, слова влетают в твои волосы и сотворят из твоей жизни поэзию. Оказавшись здесь, ты видишь мир большим и бесконечным, ты видишь истинного себя словно рассекаешь все пространство веков, ты чувствуешь деревья в своих руках, и нити твоих мыслей постепенно распутывают клубок у тебя внутри. Я понял это чувство, лишь когда черные воды сомкнулись над едва светящимися окошками спичечных коробков, оставляя лишь один полноправный источник света для заблудших душ – луну.

*** **

Величественная в своем изяществе, невообразимая в яркости световых линий. Дальние, сияющие темными изумрудными, бурными и сгорающими зелеными цветами заросли и глубины леса раздвигала извилистая, великая в своих размерах перед человеком, ветвь. Она похожа на трещину в небе, застывшую в своей молниеносности, стремящуюся к вечному движению. В многовековом созерцании, во взгляде через призматические камни ее сути, она безостановочно разрасталась. Но время ветви, исчисляемое не снаружи, а изнутри, было обращено в наблюдательное равновесие. Внимание к каждому мельчайшему узору себя, к каждой нити светового дерева. Ветвь не ведала в себе желаний отбросить любую из своих разных дланей. Хоть их пения часто создавали диссонансы, их голоса были музыкой, и ни одна из изветвлений не была перерезана или удушена отмечаем инаковости. Ветвления

этого дерева были неясны издали, очертания их изображали собой спирально клубящиеся ветки, они расплывались по мокрому листу неба, то и дело грубо разрывая его или плавно обвивая каждое облако, становясь крышей для туманности. Узорные картины коры были пронизаны ранениями лучей, изнутри во все и в никуда ...

В равновесии ветвь равно нависала над всем миром и пронизывала его насквозь. Будто некая тропа между хтоническим восторгом, сотрясающим жаром и эфирным покоем, разливающим холодные эмали рек в венах... На тропе этого дерева, больше напоминавшего из себя ризому – противостояние линейности, хаотичная связь принятия всего что существует. Внутри ветви основательная сердцевина истока жизненной силы, принятие и любовь всего существующего.

«Песнь осенней зимы»

Здесь осень устала бороться с ознобом,
Легла под деревья, укрылась листом.
Листом, где стихийно исписаны мысли
И искры нас наспех начерчены сном.

И в зареве неба как странник заблудший,
Весь в статности грома и дрожи дождя,
Стоит наблюдатель, он житель покоя,
Ветрами взвывает, в мир свет проводя.

Горящие белым глаза великана,
Собравшего листья с поверхности вод,
Блуждают по миру и ищут октаву,
Что лишь только звуком кресты возведет.

Кресты здесь ограда от темных велений,
Томятся под сводами в тихом огне,
Но вестник свободы под гласом природы
Выводит их к улицам, тонущим в зле.

Он бегом оленьим разносит туманы,
Что следом наследие авторам шлет,
В следах – перепутье дорог и узоров
Рождает в поэтах невиданный взлет.

Руками великими острова дали
Охватит он, агнецв стаи сзовет,
Пусть мир встрепенется, услышит их топот,
Тогда лишь усталость с мирского сойдет.

Придет сильный холод с ольховником-лоном,
В низовьях еловые руны поют,
В прожилках, как иней, белесость истомы –
Парящие пальцы нот музыку вьют.

Так в жизни корней встрепенутся улыбки
Извилистый танец – под солнцем мороз.
Восстанут замершие летом созвучья,
В труне сизых струн квинтэссенция слез.

Дарья Махойдина, 9 «Е»

О чём пишут газеты?

«Впервые за много лет Россия выигрывает на Олимпиаде по бадминтону». «Российская спортсменка Мария Вадимовна Малиновская берет олимпийское золото в одиночном соревновании по бадминтону». «Доллар дешевеет. Чем чревато обострение ситуации на Украине?» «Не сама добилась. Допинговый скандал с участием Малиновской». «"Его не было!" – заявили ученые, проверявшие пробы у Марии Вадимовны». «"Я выведу ее на чистую воду!" – глава антидопингового комитета заявил о фальсификации результатов». «Упал ниже плинтуса. Что произошло из-за отказа России от доллара США?» «С медалью придется расстаться. Мария Вадимовна Малиновская лишается золотой олимпийской медали». «Подпортила имущество. Малиновская проломилась в зал награждения». «Диверсия потока "Дружба". Европа осталась без нефти». «Они еще пожалеют», – заявила на пресс-конференции российская спортсменка». «"Им надо все отобрать!" – негодует спортивный комментатор Иван Щеглов». «Не имели право. Марию Вадимовну беспочвенно лишили медали?» «Россия заявила о повышении цен на газ для стран Евросоюза». «Медалью больше, медалью меньше. Как Малиновская отнеслась к потере?» «Кто это сделал? Найден виновник взрыва "Северного потока"». «Самый масштабный скандал XXI века, или Что им опять не понравилось?» «"Разве этого мало?" – тренер Светлана Филимонова заявила о наличии 10 отрицательных допинг проб у Малиновской». «Западу все равно. Министр антидопингового комитета Олимпийских игр высмеял заявление Филимоновой». «Идет инфляция. В Европе и Америке цены на нефть выросли на 10% за последний месяц. Что будет дальше?» «Покончила с собой? Недавно потерявшая золотую олимпийскую медаль российская спортсменка не выходит на связь. Тренеры предполагают худшее». «Она бы это не сделала. Светлана Филимонова рассказывает о суровом характере своей воспитанницы». «Повсюду свастика. Вандализм украинских беженцев в странах Европы».

«Зачем приехала? Внезапное появление самой скандальной личности этого года в Молдавии». «Совпадение или целенаправленный приезд? Мария Малиновская была замечена на сборе антиправительственного движения в Кишиневе». «Митинги и протесты охватили всю Молдавию. Кто в этом виноват?» «Перевалило за сотню! В Европе цены на газ продолжают расти». «Смеура, или Новое революционное движение, охватившее всю Молдавию». «Из спортсменок в революционерки. Стала известна глава молдавской революции». «Смеуры внесли на руках свою предводительницу. Дом правительства Молдавии взят штурмом». «Молдавское правительство бежало. Место нахождения Май Санду и Натальи Гаврилице по-прежнему не известно, есть основания полагать, что они сбежали». «Решила пойти дальше? Малиновская была замечена на границе Молдавии и Румынии». «Потрясла весь свет. Выступление бывшей спортсменки в Бухаресте». «Это только начало. Похоже, Малиновская не собирается останавливаться на Молдавии».

«Разжигает как спички. Умение Марии Малиновской зажигать людей». «Политическая ситуация между Россией и Францией накаляется. Что ждет нас дальше?» «Кто стоит за революцией в Европе?» «В чем суть Смерурского движения?» «Прибытие в Западную Европу. Каковы намерения юной революционерки?» «Ей платят? Кто вдохновил бадминтистку на переворот?» «Американские флаги сжигают на посольствах, флагштоках и людях. Что делают последователи Малиновской?» «Обида или цель? Зачем спортсменка разворачивает революцию?» «Мария Вадимовна Малиновская объявлена террористкой и на данный момент находится в международном розыске». «Влияние России. В странах, в которых прошла революция, цены на нефть стремительно падают». «Восстания на заказ. Россия решила увеличить своё влияние?» «Трое пали в один день! Венгрия, Словакия и Чехии отныне пророссийские государства». «Неужто за Малиновской кто-то стоит?» «Слухи о Малиновской опережают ее. Болгария, Греция, Сербия и Хорватия сдались без боя». «Смерурское движение набирает обороты». «Сняла кашпошон. Как Малиновская подняла на бунт Францию». «Покорила Европу. Огромные амбиции главы революции».

«Неужто все закончилось? Мария Малиновская возвращается на родину, в Россию». «От маленькой искры до пепелища. Путь Смерурского движения». «Что будет после пожара? О последствиях, ожидающих мир после потрясений этого лета». «Революция трех недель, или Как спортсменка подняла на борьбу массы». «С чего все началось и чем закончилось. Предпосылки и итоги Летней революции».

Предсмертная записка.

«Мама, папа, знайте, что вы ни в чем не виноваты. Вы любили меня, заботились обо мне, поддерживали, но больше я не могу. Это письмо я адресую тем, кто действительно причастен к моему решению».

Помню, как в 13 лет я впервые стала видеть в себе девушку. Стала разглядывать себя перед зеркалом, задумываться о фигуре и внешности, мечтать о мальчиках. Начала носить юбки, облегчающие кофточки и туфельки на маленьком каблукке.

В один из дней, когда мне было 14, мы с мамой поехали в магазин за новой одеждой, из старой я уже выросла; мы ходили по магазинам в торговом центре недалеко от дома и выбирали мне новую юбку. В одном из магазинов я столкнулась со своими одноклассниками. Мы поздоровались, и они пошли дальше. «Обычная встреча», – скажете вы,

но необычным в ней было то, что одна из них шепнула другой, когда они были уже в паре метров от нас с мамой. Моя одноклассница назвала меня ... как бы по-приличней выразить, гулящей. До сих пор помню, как она сказала: «Опять эта ... себе юбку выбирает». С тех пор я начала очень внимательно слушать, что говорят люди, особенно девочки, у меня за спиной. И узнала о себе много всего интересного.

В этот же учебный год, весной, одна из девочек принесла в школу веип. На протяжении всей недели перемены напролет она парила и давала попробовать всем желающим. Раньше у нас в классе парило лишь несколько человек, однако после этой недели постоять на перемене попарить стало нормой для большинства класса, и даже человек, который в пятом классе от-

важно говорил: «Я никогда не буду курить», – стоял вместе с ними. Дальше все пошло по наклонной: моя единственная подруга стала парить и даже подружилась с девочкой, у которой был, да и сейчас есть веип. Они стали много общаться, что, конечно, логично, ведь гулять с ней и парить куда интересней, чем просто гулять со мной. Потом почти все в классе начали пить, и моя подруга вместе с ними. Все праздники они проводили за выпивкой в забытье, и мы почти перестали с ней общаться. «Ты сама себе придумываешь сложности, – подумаете вы. – Курила бы и пила бы вместе со всеми. В чем проблема?» А проблема в том, что я не хотела. Еще в раннем детстве я пообещала себе никогда даже не пробовать ничего такого, и честно держу слово по сей день.

Спустя пару месяцев после начала парения нас ожидала большая работа в формате ОГЭ. На тот момент

у девятих классов оставалось чуть меньше месяца до общего экзамена по математике, и нам в школу при-слали СтатГрад. Наша учительница по алгебре и геометрии, Татьяна Андреевна, решила дать нам писать эту работу, но не в обычном формате, а как на экзамене, без телефонов и с особой рассадкой. О работе нам сообщили за неделю, и я почти сразу начала готовиться. Мы должны были писать СтатГрад в понедельник, на четвертом и пятом уроках, вместо алгебры и геометрии. В эти же выходные у одной моей одноклассницы был день рождения. Она пригласила всех своих знакомых на ночевку у нее дома. Я слышала, как они обсуждали в туалете сколько и какой выпивки взять, так что не трудно догадаться, чем они там занимались. В итоге многие из них в понедельник страдали от похмелья и не только говорить, но и мыслить были не в состоянии. Большинство надеялось списать работу, некоторые ребята даже нашли ответы, однако Татьяна Андреевна отобрала у всех шпаргалки, как только они их достали. Мне же работа показалась не сильно сложной. Как оказалось на следующий день, у нас в классе было четырнадцать двоек, одиннадцать троек и лишь одна пятёрка – у меня. Я и раньше писала различные работы хорошо, но за эту оценку меня возненавидели. Ребята начали шептаться у меня за спиной, говорить, что я «любимица» Татьяны Андреевны, некоторые даже в открытую стали спрашивать: «Почему ты мне не помогла, раз такая умная?» – и почти перестали со мной общаться. В следующем учебном году я осталась без друзей. Почти. Моя бывшая подруга до сих пор говорит, что хочет со мной общаться, но, думаю, это только потому, что я даю ей списывать. Точнее давала. В школе прожить без друзей очень сложно, особенно когда твой класс тебя ненавидит. И хоть мои родители любят меня всем сердцем, из-за моей учебы и их работы я редко с ними общаюсь. Я не стала им говорить о том, что происходит в школе, чтобы их не расстраивать, тем более мне оставался всего лишь год. Однако еще два месяца назад я стала понимать, что не смогу его «просто перетерпеть». Учителя с начала сентября начали говорить о важности этого года и рассказывать, что будет, если я не сдам. Я знала, что ко мне это не относится, однако когда почти каждый урок начинается с подобных разговоров и криков на эту тему, невольно начинаешь задумываться и беспокоиться. И я начала. Начала каждый день жить экзаменами: контрольными и различными самостоя-

тельными. Жить учебой. От дома до школы, от школы до дома. И так весь оставшийся календарный год. Я бы наверняка и продолжила подобную жизнь, если бы не один случай.

Был вторник. Нас ожидала контрольная по математике, и меня почему-то трясло. Когда все начали писать, я ничего не осознавала, ведь допоздна готовилась к ОГЭ. Лишь за десять минут до конца работы я смогла вернуться в сознание и начать что-то писать. Но, разумеется, этого было недостаточно, чтобы получить хотя бы четыре. В момент, когда я увидела свою оценку, я расплакалась. Тогда ко мне в голову пришла эта мысль.

Все эти факторы сложились у меня в голове и образовали огромный ком, от которого, думается, я смогу убежать, лишь умерев. Разумеется, другой выход есть, но я его не вижу. Не сейчас. Поэтому я и решила повеситься. И пусть после этого действия я не отправлюсь к ангелам, пусть ждет меня ад или забвение, мне все равно, ведь таково мое решение.

Я поставила точку и сохранила файл под названием «Предсмертная записка». Безусловно, я могла бы написать ее и от руки, но боялась, что из-за дрожащих рук мой и без того непонятный почерк никто не сможет разобрать, а я хочу, чтобы любые желающие, особенно те, кому адресовано это письмо, смогли его прочесть. И чтобы родители знали, что они здесь ни при чем.

Наша птица

*Вверху летит синяя птица,
Зажатая в тиски,
И петь пытается вольница,
Ругают ту враги.*

*Но рвется ввысь та, ближе к небу,
Желая рассказать
Про свои мысли, что ей треба,
Чтобы существовать.*

*И с каждым новым ущемленьем
Все ввысь и ввысь летит
И одаряет всех их пенъем,
Что так сильно претит.*

*Она поет, она летает,
Вольна делать, что пожелает,
И кажется, она сильна,
Но все же слабость есть одна.*

*Ведь стоит птицу прикормить,
Зерна сырого дать,
Как их начнет боготворить,
Под дудку их плясать.*

*Что скажут ей друзья,
Что скажут ей враги,
Забыв про неприязнь,
Все птичка повторит.*

*Врагу погладить по головке
Себя позволит та,
Не будет знать, что в птицеловке
Навеки заперта.*

**Дарья
Никитина,
9 «Г»**

Любовь к матери

Сквозь повисшую паузу было слышно, как синички весело и беззаботно чирикали, перелетая с ветки на ветку. Иногда они присаживались на подоконник по ту сторону решетки. И тогда их свист становился еще пронзительней. Антон Иванович Ведеркин сидел за железным столом. Его широкие ладони крепко обхватывали косматую голову. Взгляд был направлен в стену. Антон Иванович смотрел на нее, разглядывая каждую бетонную трещину. Когда-то синяя, облупившаяся краска зияла серыми дырами. Создавалось впечатление, что Ведеркин хочет найти ответ на вопрос офицера на ее дне. Где-то там, совсем глубоко, словно искра, теплится что-то хорошее, правильное. «Возможно, если это сказать

офицеру, то он меня отпустит и все простит», – подумал Антон Иванович. Но его мысли были прерваны голосом офицера:

– Так вы сознаетесь в преступлении?

– Я в преступлении? – словно эхом отозвался Ведеркин. – В преступлении я?! – повторил он громче и склонился головой к столу, еще крепче обхватив ее руками. Казалось, что этот человек хочет превратиться в песчинку. Маленькую, никому незаметную. В маленького человечка, которому офицеры не задают такие вопросы. Да, в маленького человечка, когда Антоше было всего пять лет. Вот он идет из леса по извилистой тропинке. На несколько шагов впереди бабушка и мама. Отца у Антоши не было. Но мальчишки во дворе иногда показывали пальцем на бродячего юридого и говорили, что вот идет его отец. Все громко смеялись, а Антоше хотелось плакать от невыносимого желания обнять папу. Лохмотья юридого неприятно пахли, но Антоше было все равно. Он утыкался в них носом и сжимал кулаки, а потом поворачивался к тем мальчишкам и кричал: «Вот я покажу вам всем!» Мальчишки смеялись еще сильнее. И тогда он бежал к маме в надежде, что сейчас она что-то скажет доброе и приласкает его. Но мать только мельком посмотрела на сына и сказала: «Чего ревешь? Вот лоботряс, бездельник! Хоть бы помог матери! Целыми днями шляешься где-то!»

Узкая дорожка из леса была длинная, то в горку, то под горку.

Антошу брали с собой за черникой. Проведешь в лесу пару часов, соберешь каждую ягоду с низенького кустика, в корзинку положишь, и пока она не станет полная – наклоняйся вниз к каждому расточку, словно поклоны природе отбивай. Будто это дань такая, откуп за каждую ягоду. Обратного нести корзину не сложно. Главное, под ноги смотреть. Чтобы не как в прошлый раз вышло. Ох и смеялись все над ним. Антоша тогда споткнулся, на бабочку засмотрелся, и прям плашмя на тропинку-то и упал. Черника покатила вся вниз по горке вместе с корзинкой. Мать ругалась, а мальчишки смеялись. Антоша тогда обхватил голову руками, прям как сей-

час, у офицера за столом. Лег и прям носом в эту землю уткнулся. «Стыдно, стыдно, а куда мне деться? Лучше б я вообще не родился! Ну ничего, я вам еще покажу!» В этот момент в Антоше что-то будто поменялось. Он решил для себя что-то важное. Нахмурил брови и стиснул зубы. «Я вам еще покажу!» – повторил он шепотом.

Как-то раз приехала из города тетка Антоши. От нее сладко пахло духами и свежими обертками покупок. Она доставала из сумки что-то и приговаривала «Это Аришке, это тебе, это бабушке». Антошка стоял за дверью и подсматривал в щелку, как его сестре тетка вручала большую куклу в платке. Аришка прыгала и кружилась от радости, держа куклу за две руки. «Красавица ты наша!» – приговаривала она. «Тань, а что ж Антошке то ничего не привезла?» – спросила мама. «Ой нет. Не нашла я что-то для него ничего. Извини, неудобно как-то вышло.» Мама не расстроилась, а наоборот, махнула рукой и сказала: «Обойдется этот лоботряс! Деньги еще на него тратить». В этот момент

Антошка застыл за дверью и не дышал. Что-то переполнилось внутри его так, что сейчас рванет водопадом через край. Ему было 10 лет тогда, но этот случай запомнился на всю жизнь. Он развернулся, побежал в сени и схватил первое, что попало под руку. Выбежав на улицу, он понял, что держит в руке топор. Стояла пронзительная тишина, и только звон в ушах нарушал ее. Звон и кудахтање этих глухих куриц у кормушки. На лице вдруг неожиданно для себя Антоша почувствовал мерзкую улыбку.

Взмахнув рукой, он ударил топором прям по одной из куриц. Топор вошел в землю, а обезглавленная курица понеслась по двору. В этот момент Антоша испытал кратковременное чувство облегчения, счастья. Вошедшая в калитку бабка завизжала, увидев обезглавленную, бегающую по двору курицу. Тетка Таня и мать тоже появились на пороге дома. Все что-то кричали. Потом велели Арине не смотреть на «деяния этого окаянного выроodka Антошки». А Ведеркин стоял как в дурмане. Опьяненный сладостью мести, как ему казалось, всем и за все! Тем мальчишкам во дворе, которые его постоянно унижали и дразнили, матери за то, что ругала и била от души по поводу и без, тетке Тане за то, что ничего ему не привезла в подарок из города. Хоть бы шарик из цветного стекла со станции. У всех мальчишек были такие, но Антошке никто не давал поиграть.

Мать подбежала к нему и первым делом отвесила подзатыльник. С криками и руганью она выгнала Антошку за калитку и сказала не возвращаться, пока не одумается и не поймет, гаденыш, что он ничтожество. Антошки не было дома три дня. Он вер-

нулся рано утром, когда мать собиралась на работу. «Аааа, явился! Нагулялся? Хоть бы помог матери, а то только убивать кур можешь!» Убивать кур? Эту фразу Ведеркин обдумывал некоторое время. Тогда, именно в тот момент ему захотелось сделать что-то большее, чем убийство курицы. Он еще не знал, что именно, но твердо понял, что после этого поступка мать наконец обратит на него внимание! И, может быть, даже хоть чуть-чуть полюбит.

После школы Антоша забрала в армию. Писем он из дома не получал. Новостей о своих родственниках узнать ему было неоткуда. Время пролетало быстро. Ему нравилось, что здесь, однополчане не издеваются над ним и никто не смеется. Все только слегка шутили, что у Антоша нет девушки. «Странный ты», – говорили ребята. Девушка... Он вспомнил, как в школе в 10-м классе Аленка написала ему записку и сунула в руку. Там было всего два слова: «давай дружить». Он тогда перечитал эту бумажку миллион раз. Аленка! Та самая, за которой ухаживали

первые парни деревни. На которую просто так и посмотреть нельзя было, чтобы не покраснеть, как небо от заходящего солнца. Антошка бежал после школы на пригорок к речке, чтобы встать на нем и закричать во все горло, пытаясь обнять весь мир сразу. И вот, забежав и раскинув руки в стороны, он понял, что его переполняет что-то такое, чем хочется делиться. Что-то доброе, большое и светлое. На следующий день Антоша написал ответ Алене. И также, стесняясь, украдкой, сунул ей в руку. А потом, после уроков, они

договорились встретиться на углу, чтобы пойти вместе посидеть на пригорке. Антоша бежал к углу школы со всех ног. Но уже издали понял, что что-то не так. На условленном месте стояла не Алена. Стоял здоровяк Колька из соседнего класса и почему-то мерзко ухмылялся. Когда Антошка подошел ближе, Колька спросил: «Ну что? На свидание с моей Аленкой собрался?» Антон не знал, что ответить. Скажет «да» – и Колька его точно побьет. Скажет «нет» – и Аленка решит, что он трус. Вдруг из-за беседки послышался хохот. Выбежала Аленка, звонко поцеловала Кольку в щеку и искоса посмотрела на Антоша. «Ты что же это, правда решил, что я дружить с тобой хочу??» – и она залилась смехом. «Я с тобой? Ой, умереть со смеху можно!» И, схватив Николая под руку, они побежали в беседку. Антон был растерян. Он не понимал, за что и почему с ним так пошутили. Разве можно вообще так шутить с человеком, с его чувствами? В этот момент ему показалось, что его просто сбросили с дерева, на котором он сидел такой радостный и влюбленный. Он как будто упал плашмя на землю и, как тогда на пригорке с рассыпанной

черникой, носом уткнулся в землю. «Ну почему? Почему? Почему я не достоин?» – думал тогда он. Потом и эта рана на душе затянулась. Забылось совсем, как казалось Антону.

Дорога на поезде в край родной была не близкая. Несколько дней на полке поезда Антон представлял себе, как мать обрадуется, когда увидит его. Как обнимет, скажет ласково: «Сынок, Антошка!» Ведь он уже вырос, и насмеяться над ним, дразнить будет некому. Бить его тоже не за что. Он будет помогать матери по дому. Жену себе найдет хорошую, станут вместе жить. Аришка, сестренка, наверно, большая уже совсем. Бабушка, как она там? Ведь два года пролетели очень незаметно и многое могло измениться. Антон вышел из вагона и пожал проводнику руку. Поезд начал набирать скорость, стуча колесами все сильнее и громче. Прям как Антошкино сердце, ожидая встречи с родными. К вечеру он добрался до родной деревни. Солнце уже пряталось за лес, но последние лучи все еще красиво окрашивали небо в алый цвет. Тот самый, в который окрашивались Антошкины щеки в 10-м классе при взгляде на Алеёнку. Он остановился на несколько секунд и внимательно смотрел на это небо. Он хотел бы вернуться туда. В то время. Там, хоть ненадолго, была иллюзия, что его любят. Подходя к калитке, Антон услышал, что в доме кричат. Это был голос матери. Он ускорил шаг и, уже бегом забежав на крыльцо, распахнул дверь в дом. Мать стояла посреди комнаты и, всплескивая руками и размахивая тряпкой в воздухе, кричала на мужчину, который лежал на кровати. «Ах ты, скотина, окаянная! Пьянчуга ты проклятый! Сил моих нет никаких! Дура я дура, замуж за него еще вышла! Да что б тебя, паршивого алкоголика, черти унесли!»

В этот момент здоровенный мужик поднялся с кровати и со всего размаха ударил Антошкину мать по лицу. Она упала на пол, а мужик, как ни в чем не бывало, лег обратно на кровать. Антошка рванул в сени. Перед ним в этот момент появились все лица обидчиков: мальчишек со двора, Аленки, Кольки... Он хорошо помнил, где лежит топор, которым он зарубил тогда курицу. Одного сильного взмаха Антошке хватило, чтобы по полу покатила косматая мужская голова. Мать страшно закричала: «Ты что делаешь? Изверг! Убийца!» Она трясла Антошку и била, выкрикивая оскорбления. Ведеркин стоял неподвижно, лишь слегка раскачиваясь от каждого удара.

«Так что же вы молчите, Антон Иванович? Мне повторить вопрос?» – сказал офицер спокойным голосом, будто это был терпеливый, ласковый воспитатель, которого так не хватало Антоше в детстве. В том детстве, где ему так неистово хотелось любви, заботы и ласки. Он очень хотел ее получить, но совершенно не понимал, что для этого нужно делать. Что делать, чтобы тебя полюбила мать? Чтобы она обращала на тебя внимание, не только когда ты набедокурил, а просто так, без повода. Просто потому, что ты родился!

**Алёна
Салтыкова,
11 «В»**

Февраль

*О, синий холодный бездушный февраль
Уводит меня в мрачно-серую даль.
Тут лес похоронен под бледным сугробом
И звуки гремят гулким гамом и громом.*

*Вдруг тихо. Шевелятся в сердце моем
Шипящие черви. Нельзя быть втроем.
Грызут и грызут. А слезы поют
Сей реквием жизни: мне спать не дают.*

*Белеет туманный покойный рассвет,
И в тучах тяжелых чуть тлеет мой свет.
Трещат трели птиц, не ушедших домой.
Он любит другую. Не будет со мной.*

Елена Сверчкова, 9 «Б»

Однажды ко мне во сне пришли мои чувства. Да, те самые чувства, которые значат для меня очень многое. Симпатия, влюбленность, любовь. Эти трое были очень разными, но по-своему прекрасны. Я стояла напротив них, а они тихонько улыбались мне. Я смотрела каждому по очереди в глаза и каждый раз видела разные картинки.

Первой в глаза я посмотрела симпатии. Она была очень искренней и теплой. А самое главное, она была наполнена детскими светлыми воспоминаниями. Показала мне, как в детстве мне нравился мальчик и с каким трепетом я говорила ему о своих чувствах, зная, что это взаимно. Как я рассказывала маме, думая, что это серьезно, а она мило смеялась, слушая меня.

Я улыбнулась. Приятные воспоминания попали ко мне голову и пустили по телу некую дрожь.

Далее я подошла к влюбленности и посмотрела в глаза ей. Появилась совершенно новая картинка.

Я снова вижу себя со стороны, но я стала старше. Вижу, как я стою перед зеркалом и смотрю на свое платье. Тут неожиданно я вспомнила. Это утро перед балом.

Вдруг яркая вспышка, и я вижу то важное для меня мероприятие. Все танцуют на балу, и я смотрю на себя, танцующую с тем самым, который подарил мне это чувство влюбленности. После этого я увидела, как писала о его глазах, улыбке, взглядах, но помимо этого я увидела слезы... Слезы неважности и внутреннее желание восхищения по отношению ко мне.

Картинка пропала, я грустным взглядом посмотрела на влюбленность, а она тихонько прошептала мне: это тоже было прекрасное время, согласись.

Я молча кивнула головой, но проникновение в те воспоминания не давало мне покоя, ведь я увидела свою первую неважность.

Оставалась любовь. Посмотрев на нее, картинка появилась не сразу. Она подошла ближе и положила мне руку на живот. Сначала я не поняла, зачем она это сделала, а затем я почувствовала то, что заставляет мое сердце биться чаще. Я почувствовала ощущение бабочек, странное волнение, и появилась третья картинка.

Я смотрю на человека, к которому испытала чувства, сильнее прежних, и улыбаюсь. Сейчас я понимаю, что, наверное это самая искренняя улыбка, которую удавалось видеть другим людям на моем лице. Я вспомнила то, как хотела всегда поговорить с ним, побыть рядом. Представляла совместное будущее по ночам, писала большие тексты о том, как я ценю его и люблю. Волновалась за него и ставила его интересы выше своих.

Видя это, мне резко захотелось вернуться в то время. Но вдруг картинка поменялась. Я увидела свои слезы и моральное опустошение той ночью, когда получила отказ. Увидела, как я крутилась в разные стороны, потому что не могла уснуть из-за той боли, которую ощущала внутри себя в тот момент, а на часах было уже 5 утра.

Я увидела убитую себя. Увидела ту тринадцатилетнюю девочку, которая невероятно хотела верить во взаимность, в конечном итоге не получила ее.

Я начала плакать. Картинка пропала. Любовь посмотрела на симпатию и влюбленность, вытерла мне слезы и сказала:

Теперь ты наглядно увидела, как мы все отличаемся друг от друга. И я думаю, что пока ты не до конца познала значение моего имени, но не волнуйся. Ведь ты обязательно найдешь человека, который будет ценить тебя и любить, ты заслуживаешь этого.

Я улыбнулась любви и тихо прошептала ей «спасибо».

Я посмотрела на них всех и после недолгого молчания сказала:

«Я действительно познала значения только симпатии и влюбленности. Значение любви я пойму чуть позже, дайте мне время. Я обещаю, что смогу полюбить и полюбить взаимно. Но только тогда, когда рядом с собой я увижу достойного человека».

Все три чувства посмотрели на меня, кивнули головой и улыбнулись, а я проснулась.

Екатерина Степанова, 11 «Б»

Суббота

Суббота. Алена* возвращалась домой из школы, погрузившись в свои мысли. Вдали был слышен звон колоколов местной церкви.

– Да, мама говорила, что сегодня какой-то праздник...

*Алена – в переводе с древнегреческого – «солнечный свет».

Девочка шла и по привычке заглядывалась на высокие обшарпанные серые панельки, окружавшие ее. Выглядели они грустно и уныло, но девочка находила в них особую романтику. Они будто передавали осеннюю усталость города: он был пасмурным и тусклым. Желтые огоньки в окнах домов были единственным признаком жизни. Люди, проходившие мимо Алены, были не то чтобы хмурые, их лица не выражали абсолютно никаких эмоций. Казалось, будто все они – персонажи компьютерной игры среди бездушных декораций, которыми управлял огромный великан. Но вместе с тем она понимала, что за каждым блоком панелек жизнь идет своим чередом. Там происходит что-то очень личное... Что-то, что навсегда останется в стенах этих домов: чьи-то мечты, цели, амбиции, признания...

Однако всего год назад эти самые постройки вызывали у нее совсем другие эмоции... чувство восторга... Дома казались ей такими большими, и девочке не верилось, что все происходящее вокруг реально. Ей казалось, будто эти одинаковые панельки нарисованы добрым художником и все живут словно в сказке, сценарий которой пишет волшебник. Такой город очень вдохновлял ее.

Конечно, по сравнению с домами и деревьями-великанами, люди казались ничтожными и бессильными. Но Алена понимала, что это все было сделано руками человека. Поэтому она была уверена, что тоже обязательно изобретет что-то полезное. Она с детства мечтала сделать что-то такое, что изменило бы мир и людей в лучшую сторону... Девочка чувствовала в себе эту силу... Огонек... И постоянно пыталась понять, что же такого особенного она может сделать, в чем же ее предназначение.

Раньше Алена мечтала стать врачом и придумать таблетку от всех болезней, чтобы люди не теряли близких... Или стать писательницей и создать такую историю, которая бы перевернула сознание людей и помогла им стать счастливее...

Теперь же эти мечты остались в прошлом. Единственное, чего ей хотелось сейчас – это хоть на денек вернуться в детство, когда дедушка катал ее на огромном белом коне, которого почему-то звали Малыш; где она играла с братьями в догонялки на цветущем пестром лугу; ходила летом одна в дальний магазинчик босиком по раскаленному песку. С утра просыпалась под пение петухов, заглядывала в окно и видела, как на лугу пакутся белые овечки, похожие на мягкие и пушистые облака, плывущие среди плотного утреннего тумана. Она бежала по росистой траве в ветхий деревянный домик, где уже пахло ягодами и блинами. Засыпала Алена, разглядывая огромную луну через окно под стрекотание сверчков и пение соловушек.

Днем она любила читать, сидя на лугу; смотреть на небо, ловить бабочек или собирать букеты из полевых цветов – ее любимыми были васильки – и дарить их бабуле: они очень подходили под цвет ее глаз – таких глубоких, добрых, понимающих, любящих. Когда ей становилось скучно, она звала всех взрослых и просила их играть с собой в жмурки, салочки, гоняться за насекомыми. Ее наивное и радостное отношение ко всему составляло их улыбаться и смеяться вместе с ней, забывая о своих «серьезных проблемах».

Вообще, она казалась всем какой-то странной. Иногда могла часами сидеть возле небольшого прудика, смотреть, как жучки забавно ходят по воде, плести венки из клевера, гадать на ромашках или просто думать о чем-то, обхватив колени руками и склонив голову

на бок. В такие моменты бабуля ласково называла ее Аленушка...

– Аленушка, пойдем в дом, я приготовила пирожки, твои любимые, с картошкой!

– Ну сейчас, сейчас! – сердито отвечала девочка. Она не любила, когда ее так называли, а тем более отвлекали от важных дел.

Еще ей не нравилось, когда бабушка заплетала ее золотистые длинные локоны в косу. Алена любила свободу и ощущение ветра в волосах. Вообще, ей хотелось поскорее вырасти. С самого детства она с нетерпением ждала своего совершеннолетия, чтобы ее наконец начали воспринимать всерьез и учитывать ее важное и правильное, как ей казалось тогда, мнение, чтобы она могла больше никого не слушаться и делать все по-своему (хотя, честно говоря, эта девочка всегда делала только то, что сама хотела, и никто ей не мог ничего запретить).

Об этом она мечтала до определенного момента и упрекала взрослых за то, что они такие «серьезные». Ей всегда удавалось находить счастье в мелочах. Даже в самые хмурые дни она была радостная и пыталась зарядить своей энергией остальных. Она верила в то, что всегда будет такой. Более того, желание делать людей вокруг нее хоть чуточку счастливее стало для нее жизненной целью. Но пытаясь помочь другим, она потеряла свет внутри себя.

Через неделю Алене исполняется восемнадцать. Она выросла, но не повзрослела, и уже совсем не была готова к своему совершеннолетию. Девочка понимала, что теперь ей придется бороться со всеми тяготами мира в одиночку. Долгожданная свобода уже казалась ей потенциальной тюрьмой. Она пугалась этого момента, словно подкроватного монстра в детстве.

Единственным напоминанием о той беззаботной поре был ее старший брат, который ее поддерживал, давал важные советы, которые, правда казались ей абсолютно не нужными, в силу своего упрямства. «Она и так сама все прекрасно знала и понимала». Но с ним они веселились, шутили друг над другом, прямо как в детстве. Вдвоем они стали настоящей командой и готовы были дать отпор всем трудностям мира. Но и этот счастливый период ее жизни, казалось, закончился. Брат уехал учиться в другую страну. И Алена, как и все люди вокруг нее, быстро научилась надевать маски, выходя на улицу, чтобы никто не мог понять, что на самом деле творится у нее на душе.

Так ее учили в детстве, на выступлениях. Строгая учительница говорила:

– Как бы плохо вам ни было, на сцене – улыбайтесь. Страдать будете за кулисами.

Алена понимала, что у каждого человека в мире есть свои проблемы, зачастую более серьезные, чем у нее, но от этого ведь легче не становилось, напротив...

– Да, верно, весь мир театр, а люди в нем – актеры, как вам это понравится?!

От размышлений ее отвлек легкий стук по плечу. Девочка обернулась и увидела бабушку, одетую полностью в черное. Она протягивала Алене горсть конфет. Ничего не понимая, в растерянности, девочка произнесла:

– Нет, спасибо.

Отвернулась и пошла дальше.

– Странно это, – подумала она.

Вокруг нее уже была толпа людей. Тут Алена поняла, чего хотела та странная старушка.

– Точно, сегодня же родительская суббота*!

И так противно стало ей от самой себя. Почему вообще она переживает отъезд брата тяжелее, чем уход из жизни любимой бабушки...? Она ведь даже не попрощалась, не приехала, когда бабуля болела, а она так ждала свою Аленушку, наверняка хотела сказать ей что-то важное, дать наставление и мудрый совет... А теперь все, что напоминало о доброй милой бабуле, – несколько фотографий, которые Алена делала в моменты, когда она казалась девочке особенно красивой и счастливой, и банка варенья... Малинового... Любимого... Из ягод, которые бабушка так заботливо отбирала. С этикеткой, на которой аккуратным почерком, которым она подписывала все фотографии внуков, было написано: «От бабули, не болей, хорошо учись»

– Прости, бабушка... Я думала, так будет проще... Я очень скучаю и так хочу услышать, что ты мне хотела сказать, и чтобы ты снова меня погладила по голове, когда я уснула за чтением книги, укрыла мягким пуховым одеяльцем и ласково сказала: «Спи, спи, дорогая», – думала Алена, смотря на плывущие по небу облака, словно ждала какого-то ответа или знака.

Чтобы отвлечься от угнетающих мыслей, девочка надела наушники, включила погромче музыку и решила прогуляться, сходить в ее любимый переулок, с которым у нее были связаны хорошие воспоминания.

Она так хотела домой. Хотя она и родилась в этом городе, по-настоящему хорошо она чувствовала себя лишь в деревне. Только там она отдыхала душой, будто в том месте все проблемы забывались, ну или становились не такими важными... А еще так здорово было возвращаться туда, где будто бы ничего не менялось, хотя это и совсем не так. Но деревенская идиллия помогала Аленушке вернуться к себе настоящей, чтобы понять, как на самом деле она изменилась, и на мгновение забыть об этом и снова побыть той маленькой девочкой. Хотя она, конечно, понимала, что как прежде уже не будет, но пыталась не думать об этом...

Погрузившись в размышления, девочка не заметила, как дошла до «своего» места. Шел дождь. Вообще, Алена любила такую погоду, особенно когда крупные капли барабанили по крыше деревенского домика. Но сейчас дождь не приносил больше того умиротворения и радости. Он был грустный. Казалось, будто погода плачет вместе с Ней.

Она шла и смотрела себе под ноги, чтобы прохожие не видели ее красных от слез глаз. Вдруг в отражении лужи она увидела яркое пятно... Посреди хмурого города... Алена подняла голову и увидела бабушку с букетами васильков. Сначала девочка подумала, что ей показалось.

– Ну какие васильки в середине октября, – подумала она.

Да и прохожие не замечали бедную старушку. Все проходили мимо, спеша спрятаться от дождя.

Ей седую голову укрывал лишь пестрый платок, какой носят почти все бабушки. Но было в ее образе что-то такое... необычное.

Женщина дрожащими от холода и старости руками протягивала аккуратно завернутые в газету букеты людям:

– Возьмите, купите пожалуйста!

Но никто не обращал на нее внимания.

Аленушке стало так обидно за эту маленькую несчастную старушку. Девочка очень разозлилась на чер-

*«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Соборное послание св. Ап. Иакова 1:17.

ствость и безразличие людей. Ей так захотелось помочь бабушке. Но вот неудача. Денег у нее совсем не было.

Тогда Алена собрала всю свою отвагу в кулак и стала бегать по огромной оживленной пешеходной улице, предлагая прохожим купить васильки у бабули, между тем боясь потерять ее из виду. Девочка была так искренна, мила и убедительна в своих просьбах, что прохожие стали подходить к бабушке за цветами и уже скоро они все были раскуплены. Все, кроме одного букета. Его она почему-то никому не продавала. Но и уходить бабушка не спешила, словно ждала чего-то.

Дождь закончился, на небо выглянуло предзакатное солнце. Девочка вздохнула с облегчением. Грусть, тоска и тревога исчезли из ее души. Люди вокруг так же куда-то спешили, и лишь Алена стояла неподвижно, рискуя быть сбитой толпой, смотрела на бабушку и улыбалась. Что-то в ее облике было такое знакомое, что не давало Аленушке покоя, не позволяло ей просто уйти. Тогда она решила подойти к загадочной старушке и спросить, как часто она здесь бывает. Девочка не понимала, почему и зачем, но что-то тянуло ее к этой пожилой женщине. Она подошла, и бабушка неожиданно для Алены сказала:

– Наконец-то, внученька.

В сердце девочки что-то очень больно кольнуло от этих слов.

Она, замерев, смотрела в глаза неизвестной старушке и ничего не могла понять.

– Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от отца Светов,* – произнесла бабушка и вручила девочке конфетку.

Постояв несколько секунд в недоумении, Аленушка взяла ее.

Мама учила девочку не брать сладости у незнакомых, но эта женщина казалась такой родной. Ее бездонные синие глаза выражали нежность и доброту. Аленушка просто не могла отказать.

Дрожащими руками она взяла конфету из морщинистых, но очень нежных и теплых рук старушки.

– Аленка, хм, – тихо произнесла она, очень трепетно держа в руках эту маленькую конфетку, поглаживая большим пальцем руки бумажную обертку, на которой была нарисована маленькая девочка, закутанная в платок.

– Бабушка так любила эти конфеты, постоянно присылала их в качестве гостинцев, – вспомнила она.

По ее щекам текли слезы.

– Да, бабуля меня так же укутывала в детстве... Да и потом...

Вдруг девочка опомнилась и подняла голову. У Аленушки было очень много вопросов к загадочной старушке, но бабушка словно испарилась. Девочка встревожен-

но огляделась вокруг. Лишь одинокий букет васильков лежал на скамеечке рядом...

– Странно это все.

Убедившись в том, что этот букет никому не принадлежит, она в недоумении пожала плечами, забрала васильки и пошла домой, опять погрузившись в свои мысли.

По пути она решила раздать по цветочку прохожим. Алена снова вдруг почувствовала в себе желание делать людей счастливее. Домой она шла той же дорогой, но в ее душе что-то переменялось. И люди уже казались ей не такими унылыми. Все вокруг словно ожило. Ветер весело кружил пестрые листья в осеннем хороводе, дети носились по уже пожухлой траве, задорно смеясь. Взрослые гуляли с собаками, ласково с ними играя. Алена снова чувствовала любовь к людям, миру, жизни.

Вернувшись домой, девочка поздно вечером. Она легла на кровать и начала прокручивать в голове события сегодняшнего дня. Произшедшее казалось ей каким-то сказочным сном. Загадочный образ старушки все никак не покидал ее мысли.

– Как она так незаметно ушла? Такого просто не может быть! Почему именно Алтнка... Васильки... Все это так странно... И вообще, что меня в ней привлекло, ведь так много похожих бабушек встречается на улице, и все в одинаковых узорчатых платках. Точно. Платок! Бабуля так их любила...

Вдруг девочка вскочила и помчалась к деревянному шкафу. Она вспомнила, что бабушка передала ей один. Свой любимый. На память. Он пах яблоками, и от него веяло теплом...

Проснувшись Алена от пения поздних птичек. За окном было светло и золото. Солнечные зайчики весело прыгали по пожелтевшей листве. Девочка взглянула на одинокий василек, стоявший в вазочке на столе. Она снова была полна сил и вдохновения, ей так хотелось поделиться с кем-то своими мыслями, чувствами, переживаниями, но рядом никого не было. Тогда Алена вспомнила, что бабушка говорила ей:

– Если что-то тревожит, напиши об этом, станет легче.

Она встала, заплела волосы в косу и начала писать.

*Родительская (суббота) – в православной традиции день особого поминовения усопших православных христиан и прежде всего почивших предков.

Вероника Теучёва, 10 «А»

Я сидела дома перед камином в носках, которые связала для меня бабушка и грела руки, слушая треск дров. Посередине гостиной красовалась бархатистая ель, всякий раз, чуя ее обволакивающий всю комнату запах, я жмурилась от удовольствия.

Вдруг из кухни раздается: – Танюша, я приготовила твои любимые блины с вареньем, беги, пока мы все не съели! – Бегу, бабуль!

действие в настоящем времени

Она шла по длинному коридору, освещенному холодным тусклым светом, на каблуках, в рубашке и длинной черной юбке-карандаш. Ее волосы были идеально уложены, а выражение лица – серьезное с пустым взглядом, сдерживающем в себе всю боль, которую она так тщательно скрывала.

– Добрый день, Татьяна!

– Здравствуйте, да.

– Очень приятно, с какой целью Вы пришли сюда?

– Я хочу устроиться на работу.

– Что ж, я буду задавать вопросы, а Вы будете отвечать на них, Вы готовы?

– Да.

– Татьяна, расскажите мне, какие Ваши качества позволяют убедиться, что Вы достойны работать у нас?

Дыхание тяжелеет, воздуха становится все меньше, и кажется, что девушка сейчас задохнется, глаза раскрываются, и ее сознание затмевает воспоминания детства...

Я проснулась свежим утром от маминого голоса: – Таня, вставай, весь завтрак проспишь. Едва проснувшись, приоткрыв глаза, взгляд упал на окно. Я подскочила с кровати и подбежала к нему:

– Мама, мама, снег! Снег пошел!

Вся семья собралась у окна, наблюдать за белоснежными падающими хлопьями снега. В этот момент я ощутила то самое, незабываемое предновогоднее настроение, когда вся семья наряжает дом бесчисленной мишурой, делает самодельные игрушки на елку, готовит имбирное печенье с предсказанием на будущий год и каждый день дарит улыбку и хорошее настроение друг другу.

Весь декабрь был охвачен суетой и подготовкой к Новому году, все хотели сделать все идеально: от самых вкусных и разнообразных блюд до лучших новогодних игр

для всей семьи. Иногда все настолько уходило в работу, что я чувствовала себя одиноко. Бабушка всегда замечала это, подходила и гладила по голове:

– Танечка, чего голову повесила?

– Мне кажется, все забыли про меня.

– Ну что ты такое говоришь, у мамы с папой ни минуты свободной нет, все в работе, но всегда звонят и спрашивают: «Как там наша Таня? Передавай ей, что мы ее очень любим».

– Бабушка, а за что меня любят?

– Ну как за что, моя хорошая, за то, что ты есть и радуешь нас своей улыбкой каждый день.

Я стояла у зеркала в блестящем пышном платье, красуюсь внешним видом. Вот-вот, через час, наступит Новый год, а это значит, что мама с папой усердно накрывают стол, дед в кресле читает газету, а бабушка упаковывает подарки.

– С Новым годом!

Вся семья хлопает, зажигает бенгальские огни. Наступило время подарков. Мама с папой подарили мне краски, дедушка – конфеты, сестры – бантики.

– Танечка, я долго думала, что я могу подарить тебе, чтобы ты запомнила мой подарок надолго и рассказывала о нем своим детям, когда вырастешь. Надеюсь, тебе понравится. Бабушка протянула небольшую коробочку ярко красного цвета, завязанную зеленой шелковой лентой. Я открыла и увидела кулон. На нем была фотография всей нашей семьи, а с обратной стороны виднелась надпись: «С любовью от бабушки». С того момента я всегда носила этот кулон.

– А теперь нужно загадать желание! Начнем с Тани.

– Я хочу стать взрослой и сильной, чтобы я ничего не боялась и могла купить себе весь магазин игрушек!

действие за час до настоящего времени

Девушка торопливо собирается на собеседование. Она расчесывает волосы, гладит рубашку, собирает сумку. Проверяет все самое нужное: ключи, паспорт, проездной билет, телефон... «Стоп, где телефон?» Девушка забегает с порога внутрь, осматривая квартиру глазами. «Вот он! Как я могла забыть!» Она включает экран телефона. В один миг весь мир остановился, дыхание замерло, а сердце ушло в пятки. «Сообщение от мамы: бабушка умерла ночью».

действие в настоящем времени

Она сидела, а в ее глазах виднелся блеск, блеск слез. Ее лицо становилось красным, а подбородок поджался, она была не в состоянии произнести ни звука, но в мыслях она только и делала, что прокручивала: «В детстве я всегда мечтала стать взрослой, независимой и самостоятельной, но лишь взросление позволило понять весь вздор моей детской мечты».

Дмитрий Трубчик, 11 «А»

*Я бы даже не назвал это все стихотворением,
Но у меня страсть, как у Карлсона с вареньем.*

*О да, это просто крик души.
Я постоянно борюсь с собой, как будто ингуши.*

*Они не видят во мне потенциала
Если жизнь – бал, то ты с другим потанцевала.*

*Если жизнь одежда – то где же мой носочек?
Они кидают в меня камни, но они не из почек.*

*Я буду вечно отправлять посылки.
Солнце печет голову, но у меня нет косынки.*

*Скоро приедут майки, и от этого идут мурашки.
Время вышло – только так могу проиграть в шашки.*

*Как часто я ем макароны, когда хотелось торта?
Если жизнь – плавание, я не могу оттолкнуться от бортика.*

*Если грусть – Польша, то я в ней Варшава
Если грусть – Канада, то я в ней Оттава...*

Мухлиса Утамова, 10 «А»

«Любовь превращается в жизнь, когда ты не боишься страха. Страх все рушит, и не надо брать его вместе с собой, ибо в этом случае надежда не помощник. А любовь становится смертью», – в этом заключается смысл моего скромного сочинения.

Любовь = смерть или Любовь = жизнь?

Мне 16, мне страшно очень, я оказалась на самом дне, в глубокой яме. Причина моей тревоги: мои родители и мои друзья. А самая больная... моя любовь. Любовь как жизнь; потерять ее, словно лишиться души. Пять лет назад моя душа, словно бабочек порханье, цвела радужными цветами, но пришел дождь, после – гром, следом – гроза, а за ней – и темное небо. Слышать хочу, но не слышу; хочу позвать на помощь, но и меня тоже не слышат... яма слишком глубока. Внутри меня малюсенький огонечек надежды желает мне самого лучшего, что есть в мире. И кажется мне, что только она меня понимает... Мне стало страшно что-то менять, выбираться из ямы, боялась трагедии судьбы своей. Желание и надежда мне помогли не угаснуть совсем, навсегда... Так прошел год.

18 сентября, я замечаю крошечный лучик в моей темноте, увидев его, сначала испугалась, но после и любопытство захватило мое сердце; я сделала ближе. Смотрю и удивляюсь, ведь лучик становился все ближе и ближе ко мне, как и я к нему. Остался шаг к воссоединению, мое сердце .., оно замерло. Я оказалась слишком близко, и... Он поразил меня прямо в сердце; мне стало жутко больно, я погибла...

И об одном жалею я – о своих страхах.

Варвара Яновская,
11 «Б»

Беседка

В небольшом городском парке, в его лесной части, где обычно люди появляются очень редко и спонтанно, стояла беседка. Она ничем не отличалась от множества других таких же беседок, стоявших на территории парка, но почему-то к ней тянуло большинство прохожих. Вот и сейчас, тихим вечером, туда зашла девушка. Уставшие слабые руки в карманах легкой куртки, никак не согревающей ее тело, шаркающие ноги, испачканные в чем-то кеды. Она медленными шагами зашла в беседку и рухнула на скамейку. Глаза отрешенно смотрели на железную изгородь, на яркие фонари, мешающие потоку ее мыслей из-за своей излишней яркости. «Было бы лучше без фонарей», – подумала она. Веки опустились, голова рефлекторно нашла себе опору на небольшом столбе, держащем крышу беседки. Нельзя было до конца понять, что творилось на душе у этой юной, неопытной, но такой страдающей девушки. Необыкновенная тоска, безыдейность, бессмысленность всего окружения – все это превратилось в тяжелый ком мыслей, который, однако, не оказывал столь гнетущего влияния на ее сознание. Она уже привыкла к этому ощущению. Девушка не плакала, но любой, кто бы ее увидел сейчас, смутился бы. Настолько ее поза, расслабленная, но при этом каменная и грузная, влияла на все вокруг. Даже фонари будто потускнели, даже беседка стала чернее, и даже небо, которое только недавно было приятного спокойного темно-синего оттенка, постепенно поменялось и стало лишь фоном для этой безжизненной фигуры. Она начала дрожать. Быть может, от холода. Но вот слеза медленно скатилась по щеке, дрожь усилилась, и стало понятно, что та сила и энергия, которая обитает в каждом юном сердце, вылилась в глухие, никем не замеченные рыдания. Так прошло около получаса. Пошевелившись, девушка привстала и не торопясь вышла из беседки.

К слову, беседка была неприметной: круглой, деревянной, грязной – обычной городской постройкой. Украшением служили черные оковы: извилистые, узорчатые. Но даже они не придавали ей изысканности. Де-

ревья в парке тоже были простыми, прямыми, местами плавными в своих изгибах. Слегка пожелтевшая листва имела серый оттенок. В темноте это незаметно, но вот если вы придете сюда ранним утром, то сможете увидеть, как серо-коричневые узоры украшают кленовые листья. Этим же утром вы успеете застать интересную и довольно милую картину. Ранняя осень, свежий ветерок, пока еще ясное солнечное небо – остаток лета, растянувшийся на неделю-две, – утро и, наконец, старичок, часто гуляющий в этих окрестностях. Он всегда сначала обходит эту беседку по дорожке, им же протоптанной, а потом мягко садится на скамейку, как в свое любимое домашнее старое кресло. Все в нем просто и хорошо. Серые глаза улыбаются, но не так, как мы привыкли это себе представлять. Он радуется не моменту, он радуется жизни. Деревья, небо, солнце, беседка – все это бессмысленно, но значимо. Семьи нет, любви тоже. Одинок? Да нет, у него есть беседка. Приходит сюда каждое утро. И каждое утро он пытается запомнить малейшую деталь пейзажа, будто боится забыть всю эту картину городской природы, будто боится покинуть это чарующее место.

Пройдет еще немного времени, и сюда придет какая-нибудь мама с коляской. Нервно шикнет на ребенка, подумает: «Ты же на природе, почему так кричишь!» Затем быстрыми и рваными движениями достанет очередную сигарету и с третьего раза успешно ее подожжет. Две минуты спокойствия. Ребенок замолчал. Где-то проходит мужчина с собакой, а где-то запыхавшаяся женщина бежит второй километр, желая сбросить еще пару кило, однако потом она забудет об этой цели и наестся мороженого за просмотром глупой и безыдейной комедии, чтобы отвлечься от своих навязчивых мыслей. Вот ветер подул и унес последний сигаретный дым. Потушив окурок о лавочку, оставляя на ней черную метку, мама встает и опять, услышав плач ребенка, закрывает глаза: сама старается сдерживать слезы.

Вечером, около шести, сюда приходит компания студентов. Они веселые и довольно энергичные. Беседка для них – место встречи. Они болтают, включают старые песни и искренне смеются над ними. Здесь сидят недолго и, будучи в самой беседке, передвигаются очень часто и очень хаотично – не могут усидеть на месте. Зачастую в их компании мелькают новые лица, кто-то сидит на лавочке, потупив взор, кто-то многозначительно смотрит на другого, кто-то острит, кто-то смешит, кто-то скучает. Но все они рано или поздно уходят, а потом, уже по традиции, бегут в другое место.

Закат. Солнце уже скрылось среди листвы деревьев. Из-за этого ничего не было видно. Лишь небо розового нежного оттенка напоминало о наступлении сумерек, но даже оно зарождало во всем одну тревогу. Было в этом пейзаже что-то незаконченное, непонятное, неполноценное. Она робко взяла его за руку и прошептала:

– Как хорошо...

Молчание. Холодная лавочка, холодные руки, холодные мокрые губы.

– Ты меня любишь?

– Да.

Привычка, усталость, влюбленность, полная надежд и мечтаний о невозможном будущем. «Он меня не любит», – подумала она и, кокетливо улыбнувшись, потянулась к нему.

Опять ночь, тишина, чьи-то всхлипы, чьи-то пьяные крики и беседка.

Дарья Яшенина,
8 «А»

«Не тратьте настоящее на прошлое!»

Под таким лозунгом 9 апреля 2124 года десятки тысяч жителей различных стран мира вышли на улицы, требуя прекратить преподавание курса истории и частично литературы в школах и высших учебных заведениях своих стран. Также они призывали прекратить финансирование заведений, имеющих историческую направленность. «Настал век технологий! Оставим прошлое в прошлом!» – во весь голос кричали собравшиеся. Количество последователей партии «Будущее» росло неслыханно быстро, правительство было вынуждено при-

Татьяна Яшенина,
8 «А»

Когда-то жил придворный шут, или Вперед, в прошлое!

*Когда-то жил придворный шут.
Он был болтун, гордец и плут:
Все дни и ночи напролет
Смешные песенки поет...
Но во дворце лишь старый пес
Его не слушает всерьез!*

*Вещал тот шут по-философски,
Но песенки нелепостью громоздки...
Двоякость правды помогла:
Народ с пути она сбивала.*

*Мол, знаете, друзья,
В одежде нам ходить нельзя,
Ведь в ней грибок, болезни, грязь!
И без нее живет наш князь!*

*На четвереньках бегать надо
И догонять животных стадо!
Не просто так спина болит:
Наш род к природе воспарит!*

*Совсем не думал шут о том,
Что верит каждый ему дом,
И не прошло и двух веков,
А мы свободны от оков!
Теперь не нужно сапога,
Чтоб рассекать поля, луга...*

*Нужды не стало нам творить,
Учиться, думать, говорить...
Давайте спляшем у костра,
Ведь наша жизнь теперь проста!*

нять требования митингующих, и 20 апреля того же года в законодательство ряда стран были внесены существенные изменения.

В тот же день, 20 апреля 2124 года, в обычной семье среднего достатка родился мальчик Анатолий Свежий.

Тоша был единственным ребенком в семье, родители горячо любили сына и старались привить ему все самое лучшее уже с детства. Мальчик каждое утро занимался зарядкой, учился в музыкальной и художественной школах. Толя везде показывал средние результаты. Единственным его преимуществом, по словам сверстников, была непревзойденная харизма.

Анатолий был горячим и буйным ребенком, поэтому после окончания девяти классов юноша покинул родительский дом. Тоша хотел быть актером, он отправился в столицу, где набирали артистов. Неудивительно, что мальчик прошел отбор с блестящим успехом, у него определенно был талант.

К сожалению, недавние решения власти государства кардинально поменяли ситуацию в стране: внимание общества переключилось на технологические вопросы, вопросы культуры не рассматривались. В таких условиях актеры уже не были востребованы, Анатолию пришлось искать другую работу.

Через некоторое время он знакомится с такими же людьми, которые лишились работы вследствие проводимых реформ. Надо сказать, что, несмотря на работу в области культуры, истории никто из них уже не знал.

Харизма Анатолия Свежего привела его к общественной работе, и 4 мая 2160 года, не участвуя в выборах, он становится одним из лидеров страны!

Чем же объяснить этот факт? Тайный Совет государства создал условия, при которых Анатолий мог прийти к власти, избегая выборов, но совершенно законно. Это было сделано для того, чтобы определенный круг людей мог манипулировать Анатолием и, соответственно, страной, не знающей истории.

О правлении Анатолия Свежего, Третьей Мировой войне и ее последствиях читайте на стр. 28.

Учебник истории, 9-й класс.
Издательство «Прошлое», 2201 год.

Самые дорогие моменты

Мария Веруш,
лауреат Премии
2021 года
в номинации
«Русская
словесность»

Если посмотреть значение «словесности» в интернете или же толковом словаре, то можно получить весьма ясное определение:

«Словесность – в широком смысле это совокупность всех произведений человеческого творчества, выраженных словами»

Человеческое творчество. Изящное словосочетание, оно весьма мягко переливается на языке. Так почему же многие так боятся показать свою частичку творчества другим? Почему так много раз в самый последний момент мы принимаем решение сдать, отступить на шаг назад. Опустить руки и отложить задуманное с мыслью: «Может быть, в следующий раз».

Как часто мы сами становимся нашим главным препятствием?

На эти вопросы можно искать ответы на протяжении всей своей жизни. Но сделать первый шаг можно, просто отправив письмо на почту. Достать все работы из стола, перечитать, но не для того, чтобы раскритиковать их по новой и снова спрятать в запыленный ящик, а для того, чтобы выбрать ту работу, которая снова всколыхнет что-то внутри. При прочтении которой вспомнятся ощущения, мо-

менты, события, которые ей предшествовали.

Ведь когда пишешь, ты не думаешь о том, что будет в будущем. Ты пишешь, полностью погруженный в момент. Момент, когда ты наконец смог поймать за руку вдохновение, или, когда оно само постучало к тебе в дверь. Момент, когда ты полностью разбит или же, наоборот, чересчур счастлив. Момент, когда хочется просто изложить гнеущие мысли, или помочь когда-то выпущенным чувствам найти выход. И этот момент – самое дорогое, что бывает в нашей жизни.

Вся наша жизнь – момент. И каждое происходящее в ней событие никогда не сможет произойти снова.

А Премия имени Ю.Б. Пирятинского – лестница, ну или же длинный коридор, конечной точкой которого тоже будет момент. Ты можешь попытаться подняться несколько раз, ты можешь отступить, но это же не страшно. Все мы когда-то учились ходить, говорить, писать. Все мы имеем право на ошибку, и в этом нет ничего страшного.

Вспоминаю себя в девятом классе, когда я впервые стояла на сцене в ожидании результатов и в моей голове пронеслась мысль: «Я точно не выиграю». Что, собственно, и случилось, но именно тогда я и поняла,

в чем заключалась моя проблема. Я жила ожиданиями, надеждами, я пыталась приоткрыть шторку будущего, так до конца и не научившись твердо стоять в настоящем. Я запнулась на очередной ступеньке и упала. Но именно наши ошибки помогают нам двигаться дальше, ведь они указывают на те наши слабые места, о которых мы могли и не догадываться.

Наша гимназия дает все условия, чтобы мы поняли, что, упав, всегда можно подняться, отряхнуть колени и двигаться дальше. Чтобы мы поняли, что не стоит стесняться спросить совета или помощи. У каждого есть свой шанс, у каждого есть амбиции, и только от тебя самого зависит будут ли это тлеющие угли или же разгорающийся костер.

Пирятинская премия – ваш шанс, возможно, в ближайшем будущем – ваш момент. Когда вы с трясущимися коленками будете стоять на сцене, а когда назовут ваше имя, подумаете, что вас, наверняка, зовут как-то по-другому.

Пишите, доставляйте черновики из папок на компьютере, ловите момент и не бойтесь отправить свою работу. Каждый ваш шаг имеет последствие. И, возможно, именно этот станет вашим преломляющим моментом.

Насладитесь им.

Кто был примером для меня...

Александра Чарковская,
лауреат Премии
2021 года
в номинации
«Человеческое
измерение»

Гимназия 1505 богата традициями, и в этом ее отличие от других. С 2014 года одной из таких традиций стала Общественная премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского.

По моему мнению, Премия Пирятинского – самое почетное и важное признание, которое мо-

жет получить гимназист. Не менее ценно и то, что моя школа не только награждает учеников, но и дает каждому пятикласснику, кто входит в двери красного здания, почву для роста личности, достойной этой премии. Теплая атмосфера в школе во время учебного процесса, необычные для других учебных заведений традиции помогают ученикам получить от обучения нечто большее, чем просто образование. Здесь находят друзей, помощь в нужные моменты, учатся социальной жизни, что разнообразнее, чем в других школах. И для меня одной из важных особенностей гимназии является система шефства. Я хочу поговорить о ней, потому что знаю, что есть гимназисты, ее недооценивающие, не считающие ее важной составляющей школьной жизни. Ведь кроме формальной ответственности за младших на выездах и проведения для них развлекательных мероприятий есть что-то большее, более важное.

Мои шефы играли для меня большую роль, особенно в первые годы моего обучения в красном здании. Куда приятнее быть среди младших в школе и иметь взрослых (а на тот момент мне они казались взрослыми настолько, что я даже обратилась как-то

к Марусе на «Вы», отчего она вся засмузилась и запретила мне так делать) товарищей, которые уже все знают. Они учат уважать традиции школы, делятся своим опытом. Шефы становятся примером для младших, на которых нужно смотреть с восхищением и мыслями: «Хочу быть как они». Когда становишься старше, отношение обычно меняется, у меня оно перешло в благодарность за мотивацию. Глядя на своих шефов, я стала активнее на мероприятиях. Хочу отметить, что среди предыдущих лауреатов есть мои шефы. Я горжусь, что мое имя теперь стоит в одном ряду с теми, кто был примером для меня.

Однако стала ли сама я таким же примером для подражания? На этот вопрос лучше ответят мои подшефные. Меня поездка с подшефными научила ответственности за младших. Организовать себя и группу младших, привести к слаженной работе на конкурсах или соревнованиях. Подготовка мероприятий для подшефных дает опыт для последующей организации более крупных мероприятий за всю школу, ответственности за которые лежит на гимназистах уже с 9-го класса. И еще подшефные разговорами о своих переживаниях и проблемах помогают вернуться снова на три года назад, когда ЕГЭ еще было далеко и в голове была отнюдь не учеба. Мне важно, что, когда я возвращаюсь в красное здание, мне есть с кем поговорить.

Если подводить какой-то итог моей краткой Пирятинской лекции, я бы хотела выразить благодарность нашей школе за то, кем я сейчас являюсь, моим шефам – за ориентир в гимназической жизни и подшефным – за поддержку. Мне очень жаль, что из-за пандемии в течение последних двух лет общение между параллелями было затруднено и потерялась некоторая связь между шефами и подшефными. Надеюсь, что система шефства будет оставаться в гимназии еще много лет, как и другие школьные традиции.

ЧАСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Скоро 10 лет, как его нет с нами. И чем больше проходит времени с момента его ухода, тем отчетливее осознается его уникальность и незаменимость.

**Григорий
Борисович
ШАНДАЛОВ,**

*директор школы № 1505,
учредитель Премии*

Мы познакомились с ним 40 лет назад. Я – студент третьего курса пединститута и раз в неделю – практикант в 388-й школе. В это время он – уже ярчайший представитель молодой части педколлектива, с пятью годами работы за плечами, бессменный начальник летних лагерей труда и отдыха, кавалер ордена Трудовой Славы (о наличии которого он часто иронизировал, мол «по разнарядке вручили»), и одновременно с этим – гроза и любовь всей школы. Однажды он предложил мне составить компанию ему на прогулке в Измайловском парке, и началось наше общение, переросшее потом в близкую дружбу.

Директором школы тогда был Наум Ефимович Сарган. Пирятинский его побаивался, старался лишний раз не пересекаться, «обходил по другой лестнице», чтобы не нарваться на какое-нибудь замечание. Одна из моих любимых «бак» – о посещении директором урока, который вел Пирятинский. Дело в том, что Наум Ефимович Сарган, сам – блестящий словесник, долго и настойчиво пытался посетить урок Юрия Брониславовича, сделал это без предупреждения. Но тщетно: Пирятинский не любил таких «экспромтов», поэтому Сарган несколько раз подряд попадал то на диктанта, то на изложение, которые Юрий Брониславович неожиданно назначал, как только узнавал, что к нему на урок идет Сарган. Но тот все же добился желаемого. После того посещения последовал тщательный разбор урока – Сарган любил и умел это делать. Сначала, как положено в таких случа-

ях, он отметил то небольшое положительное, что, с его точки зрения, все-таки было на уроке русского языка: «Кабинет к уроку готов хорошо, мокрая тряпка лежала у чисто вымытой доски». Сделав небольшую паузу, Сарган продолжил: «А теперь о недостатках...» – и почти час разбирал допущенные, по его мнению, недочеты.

На самом деле Пирятинский – великолепный, харизматичный и талантливый учитель. Будучи разносторонне эрудированным человеком, он «та-скал» учащихся в бесконечные музеи и театры, поездки по другим городам. Часто грешил остроумными эпитетами в адрес учеников, и после поставленного «кола» («единицы», которую потом в журнале исправлял на четверку) зачастую посылал едкую характеристику в адрес отвечающего. Не буду цитировать, но эти его эпитеты до сих пор занимают верхние строчки в нашем школьном неформальном рейтинге учительских острот.

Надо сказать, что он во всем был оригинален, и даже во внезапных приступах гнева в отношении самых близких ему людей, хотя, зачастую, ничто не предвещало этих страстей. Точно не помню, что послужило причиной того нашего разлада (скорее всего, ничего), но он умудрился нарочно «сдать на охранную сигнализацию» вход в канцелярию с находившейся в ней единственной на всю школу печатной машинкой, на которой я печатал свою дипломную работу (ровно за день до сдачи!). Позже я несколько раз пытался уговорить его раскрыть причину этой вредности, но он широко улыбался и так и не вспомнил.

А еще Юра был талантливейший интриган, особенно по части фантазий, которые он через своих воздыхательниц-старшеклассниц запускал в ученическое сообщество, а потом «наслаждался» неприятностями «жертвы», которая всего-навсего просто не выказала должной почтительности к персоне Его Самого.

Тогда еще не были в ходу электрические чайники, он кипятил себе чайник на плите в школьной столовой, и запах крепкого свежесваренного чая распространялся по всем пяти этажам, пока он нес чайник с первого этажа на третий – в учительскую. Часто он включал на приличную громкость свой стереопроектор, и звуки какой-либо оперы или церковного песнопения наполняли пустые вечерние школьные коридоры. Роль «вечернего директора» надолго закрепилась за ним...

Пирятинский – мастер эпатажа. Кто-то в свое время подарил ему белую крысу по кличке Иосиф Карлович, и Юра дефилировал с ним на плече по всей школе. Затем периодически появлялись разные кошки: сначала Мотя, затем спустя несколько лет Фрося и Клепа. Они жили в учительской, разгуливали по кабинетам и спали на партах и подокон-

никах во время уроков, в общем вели свободную жизнь внутри школы.

Одна из моих любимых историй про Пирю связана с нашей учительницей немецкого языка Риммой Моисеевной Нахлис. В гимназии проверяющей организацией проводились плановые замеры радиационного фона, ходили люди с приборами по всем кабинетам. Пирю осенило, что факт нахождения кабинета немецкого языка по соседству с бывшей «комнатой хранения оружия» нельзя просто так оставить без внимания. Он решил подшутить над впечатлительной Риммой Моисеевной, сообщив ей по секрету, что тогдашний директор Анатолий Георгиевич Каспржак и его зам Шандалов, не зная, как отправить на пенсию бедную учительницу, специально поместили в потайную комнату радиоактивный источник. Когда обман раскрылся, слезы отчаяния «облученной радиацией» доверчивой Риммы Моисеевны сменились на возгласы негодования в адрес Пирятинского, но тот с ехидной улыбкой предпочел ретироваться.

Пирятинский был очень щедрым человеком, любил делать разного рода подарки – иногда долго выбирая специально, а иногда легко передаривая многочисленным вкусности и сувениры, вручаемые ему. Однажды он познакомился с одной из школьных родительниц, работавшей заместителем управляющего аптекой. Во времена дефицита лекарств такое знакомство было сравнимо с находкой волшебной палочки. Каждый визит в кабинет «волшебницы» материализовывался в коробку лекарств, над которыми Пиря некоторое время чахнул, как «царь Кощей над золотом», а затем, зазывая коллег в лаборантскую, одаривал чем-то из коробки, сообщая, что именно это необходимо сейчас ей надо попить. Приняв «заказы» от коллег, он в день зарплаты спешил к «волшебнице», и история повторялась. В последние годы его работы дефицита лекарств уже не было, и поэтому его походы в аптеку сошли на нет. Зато он, изучив персональные пристрастия коллег к чему-либо вкусенькому, стал покупать то одно, то другое, щедро угощая то бочковыми огурчиками с рынка, то свежайшими глазированными сырками, то докторской колбасой, то «Белочкой» и «Мишкой на севере», зазывая по одному в свою знаменитую лаборантскую 21-го кабинета – его «штаб-квартиру». За верные ответы стал угощать и учеников шоколадными конфетами. Именно поэтому мы и решили в память о Пирятинском в каждый день его рождения 22 ноября угощать гимназистов конфетами...

Как ни старайся, никакой рассказ о нем все равно не сможет передать его специфичность и оригинальность. Последнее, что хотелось бы, это идеализировать Юрия Брониславовича. Юра был ярким и очень противоречивым человеком, в нем сочетались абсолютно несочетаемые в других людях качества. У него была непростая судьба: не было своих детей, и, к сожалению, он совсем ненадолго пережил своих родителей, уйдя из жизни всего лишь в 57 лет. С тех пор прошло уже десять лет. С его кончиной прервался определенный этап в истории нашей школы и в жизни каждого из нас. И время не лечит.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА

за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского;

Екатерину Николаевну КОПЫТ и Марию Владимировну МАЛИНОВСКУЮ за замечательные фотографии, сделанные специально для этого издания;

выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддержавших и до сих пор поддерживающих премию:

Марию Андрееву (Бардукову), выпуск 2000 г.; **Андрея Балинского,** выпуск 1998 г.;

Алексея Баукина, выпуск 1999 г.; **Илью Бера,** выпуск 1998 г.; **Ирину Валерьевну Бурикову;**

Наталью Варакo (Загянскую), выпуск 1992 г.; **Сергея Говорова,** выпуск 1998 г.; **Александра Давыдова,** выпуск 1986 г.;

Екатерину Давыдошкину, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову,** выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина,** выпуск 1992 г.;

Екатерину Канаеву (Сергиенко), выпуск 1992 г.; **Дмитрия Карцева,** выпуск 2003 г.;

Юлию Коршакову, выпуск 2000 г.; **Дмитрия Кухтина,** выпуск 1994 г.; **Юлию Лукьянову (Иванекину),** выпуск 1998 г.;

Александра Мацука, выпуск 1985 г.; **Алексея Орловского,** выпуск 1994 г.; **Василия Панкратова;**

Александрю Панкратову (Азовцеву), выпуск 2010 г.; **Марину Юрьевну Папанкину;**

Андрея Петухова, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова,** выпуск 1996 г.; **Марину Полетаеву,** выпуск 1986 г.;

Светлану Пороскову (Калинину), выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина,** выпуск 1998 г.;

Екатерину Ряхину, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину; Анну Ситас,** выпуск 2000 г.;

Максима Слешина, выпуск 1992 г.; **Ирину Владимировну Сотникову; Андрея Столярова,** выпуск 2000 г.;

Наталью Токсанбаеву, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова,** выпуск 1990 г.;

Юлию Чечик (Козыреву), выпуск 2000 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский, выпуск 2003 г.;

Матвей Геллер, выпуск 1985 г.;

Светлана Гончарова, выпуск 1985 г.;

Светлана Ищенко, выпуск 1989 г.;

Ольга Колчугина; Михаил Левит;

Глафира Леонова, выпуск 2010 г.;

Мария Малиновская, выпуск 2000 г.;

Антон Молев, выпуск 1995 г.;

Анастасия Папанкина, выпуск 2015 г.;

Владимир Рудаков;

Елена Серова, выпуск 1993 г.;

Ольга Смирнова, выпуск 1985 г.;

Алексей Фалько, выпуск 1992 г.;

Григорий Шандалов.

Над номером работали
Редактор: **В.Н. Рудаков**
Верстка: **Н.Е. Пыльнева**
(журнал «Историк»)
Корректурa: **Е.Е. Леонтьева,**
Е.Н. Момзин
(журнал «Историк»)
Тираж: 150 экз.

Пирятинская премия – это частная инициатива, осуществляемая на личные средства тех, кто поддерживает идею присуждения Премии.
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ имени Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО,
переведя любую сумму в премиальный фонд:
карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339;
телефон: 8 985 774-38-90;
казначей премии – **Гончарова Светлана Витальевна** (выпуск 1985 г.).